

Михаил Талалай

РУССКИЙ АФОН

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Михаил Талалай

РУССКИЙ АФОН

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
В ИСТОРИЧЕСКИХ
ОЧЕРКАХ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
2003 г. 110 000 экз.

*По благословению
архиепископа Тернопольского и Кременецкого
СЕРГИЯ*

*Книга оформлена фотографиями
Александра Китаева*

Глубокий, подробный и богато иллюстрированный путеводитель-рассказ о Святой Афонской Горе, в особенности о местном русском иночестве, написанный многолетним ее посетителем петербургским историком Михаилом Талалаем, с изложением святогорских былей, преданий, традиций, архивных сведений, маршрутов, агно- и биографий, практических советов паломникам. Рассчитан на широкий круг читателей.

*На второй странице обложки:
Скит Старый Русик*

*На третьей странице обложки:
Пантелеимонов монастырь*

ISBN 5-87468-214-7

© Талалай М. Г., 2003

© Китаев А. А., фотографии, 2003

© «Паломникъ», 2003

Моя молитвенная благодарность святогорцам, ведомо и неведомо способствовавшим появлению этой книги, – отцам Павлу, Максиму, Виталию, Ефрему, Исидору, Герасиму, Кукише и многим другим.

ПРОЛОГ ПОЧЕМУ «РУССКИЙ АФОН»?

Есть на свете немало гор, называемых Святыми.

Однако, когда разговор заходит о *Святой Горе*, всем становится ясно, что имеется в виду именно та, парящая над северными водами Эгейского моря. Причем подразумевается даже не сам географический объект высотой 2033 метра – его афонцы попросту называют шпилем, – а весь длинный и узкий полуостров, как будто стремящийся оторваться от грешного европейского материка и застывающий в этом усилии взлететь.

Есть на свете горы и выше, и величественнее. Но нет более значимой в истории человечества, чем эта, *Святая*. Ибо у ее подножья уже более тысячи лет обитают особые люди, не похожие на нас. Они живут как будто вдали от мира, но одновременно на него влияют (впрочем, про самих себя они не говорят, что обитают или живут, они — спасаются). Их главное дело — приближение к Богу ради спасения себя и мира.

По-славянски таких людей зовут иноками, то есть иными, другими. И всё в истории и облике Афона иное, загадочное для непосвященных. Все здесь полно чудесами. Как в нашей просвещенной Европе уцелела такая горячая коллективная вера? Что это: монашеская республика или же монархия с Царицей Небесной на престоле? Нужно ли так старательно отвергать технический прогресс и жить по-средневековому? Почему сюда не пускают женщин? Неужели тут никто и никогда не ест мясного? Зачем вынимают останки покойников из могил и складывают их черепа на полки?

Ясно, что одной, исчерпывающей книги, отвечающей на все вопросы, быть не может. Возможно, когда-нибудь появится некая Афонская энциклопедия, куда войдут статьи про политическое устройство этого *иного* края, его экономику, аватон (запрет на посещение полуострова женщинами), архитектуру, местную природу, песнопения, монашеское меню, режим дня, погребальные традиции.

Однако один аспект автор попытался представить читателям более глубоко — это славянский или, точнее, русский Афон (увиденный вдобавок глазами русского исследователя).

При этом возникает существенный вопрос: а можно ли говорить о *русском* Афоне? И нет ли здесь искушения так называемым филетизмом, то есть преобладанием на-

ционального над христианским? Ведь Святая Гора — это сокровищница всего православного мира (и всего человечества, если говорить не только о вере, но и о культуре). За тысячу лет здесь, на коренной византийской почве, сплелись воедино молитвенные подвиги самых различных народов: греков, славян, грузин, румын и других (до XIII века тут существовал, например, даже один итальянский монастырь). Да и канонически все братства относятся к *Вселенскому* Патриархату. Местные же монахи, хотя по правилам и обязаны получить греческие паспорта, склонны считать, что утрачивают свою национальность вместе с мирскими именем-фамилией.

И все-таки, сделав такие оговорки, рассказывать о русском Афоне и можно, и должно: у нашего народа была собственная, и необыкновенно богатая, история отношений с этим местом.

Начать с того, что самый первый русский инок, вошедший в наши Святцы как преподобный Антоний Киево-Печерский, принял постриг именно на этом полуострове. Он и вслед за ним его ученики внедрили в самую душу Древней Руси благоговейную любовь к Афону: так начало нашей христианской жизни получило благословение со Святой Горы.

О святогорском благословении помнят не только в России, но и на современном,

Преп. Антоний Печерский.
Икона. XX век

Пещера и ложе преп. Антония Печерского,
близ Эсфигменской обители

весьма эллинизированном Афоне: в Эсфигменском монастыре, оплоте зилотов, основателя русского иночества гордо именуют не иначе как преподобный Антоний *Эсфигменский*.

От Антониевой пещеры путь по Афону можно продолжить морем. Тогда следующей остановкой станет красивый Ватопедский монастырь. В нем принял постриг греческий юноша Михаил Триволис, ставший впоследствии русским духовным писателем, преподобным Максимом Греком (на Афоне его называют Максимом *Ватопедским*). В 1997 году здесь произошло замечательное событие: Русская Церковь прислала в дар Ватопеду ковчег с частицей мощей преподобного: «Максим вернулся домой», — говорили растроганные иноки.

Московский митрополит святитель Киприан (1395–1406) также начал свое служение на Афоне. В тяжкое время — и для Руси, и для Византии — он сделал необыкновенно много для укрепления Православия.

Нельзя переоценить значение духовного опыта старца Нила Сорского, приобретенного им в 1460–1480 годах на Афоне и послужившего основой для его учения о нестяжательстве.

В XVIII веке сходный подвиг совершил старец Паисий (Величковский), основатель Ильинского скита и неутомимый собиратель святоотеческого наследия. Организованный им перевод греческих рукописей стал основополагающим для иноческого возрождения в России. И таких эпизодов особых отношений нашей страны со Святой Горой — великое множество.

...Порою посетителя нынешнего русского Афона охватывает неизбежная горечь: по различным историческим причинам, о которых речь пойдет ниже, российское монашество потеряло многие свои учреждения, а его численность в пять тысяч иноков в начале XX века уменьшилось до полусотни в начале XXI века. Невозможно не думать об этом, посетив великие, некогда русские, скиты, Андреевский и Ильинский, теперь ставшие греческими.

Преп. Максим Грек. Русская икона, хранящаяся в Ватопеде

Преп. Паисий
Величковский. Икона.
Конец XX века

Но статистика на Афоне — не главное. Приведем лишь один пример: именно на то время, когда российские обители переживали видимый упадок, приходятся духовные подвиги старца Силуана Пантелеимоновского — подвиги, поразившие христианский мир.

Русский Афон продолжает жить.

Залогом тому является следующее примечательное событие: в 2000 году здесь, в одной келлии Кутлумушского монастыря, русские афонцы освятили церковь во имя преподобного Серафима Саровского, первую с таким посвящением на Святой

Горе. Однажды этого старца называли излучением Горы Афонской. Теперь этот свет, словно отразившись, возвращается к первоисточнику, на Афон, куда из глубины России устремлялась любовь самого св. Серафима, также как и любовь тысяч других русских людей, не ступавших на эти дороги никогда, но сердцем их прекрасно знающих.

СВЯТАЯ ГОРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Благословенна Эллада, имеющая такое сокровище, как Афон! Конечно, принадлежит он всему православному миру, но грекам все же сподручнее: можно отправляться на Святую Гору хоть каждый уик-энд (эллины, кстати, в борьбе с американизацией постановили именовать его саватокирьяки, т. е. суббота-воскресенье).

Русский же паломник на Афоне — явление не столь частое. Не всякому соотечественнику удастся преодолеть всевозможные барьеры, сооруженные, вероятно, не без помощи лукавого. Один из барьеров, называемый «железным занавесом», рухнув, сменился «занавесом золотым». Но даже найдя средства на дорогостоящее путешествие в Грецию, современный богомолец встречает новое затруднение в виде визы на посещение Афона (в последнее время благодаря Пантелеимоновскому подворью в Москве визу можно получать и в России).

Дело в том, что святогорская территория имеет особый статус. С одной стороны, это неотъемлемая часть Греции, на которую распространяются все местные законы. С другой — это некая автономная «республика» со своим правительством (Протатом), своим «президентом» (Константинопольским Патриархом) и со своими границами, серьезно охраняемыми. Для посещения Афона необходимо разрешение особого департамента Министерства иностранных дел Греции, а духовным лицам нужно еще и благословение Патриарха.

Разрешение выдают не очень охотно. Одно время, например, от российских граждан требовали поручительное письмо от консульства. Такие меры в министерстве объясняли наплывом эмигрантов из Восточной Европы, многие из которых нелегально проникали в Элладу, а затем и на Афон, где можно устроиться, Христа ради, на долгое время. И это правда. Боятся в Элладе и свято-татцев: полуостров полон ценностями не только духовными, но и материальными, которые почти не охраняются. И это тоже правда: лет десять тому назад, например, на территории Польши нашли рукописи, похищенные из библиотеки русского монастыря.

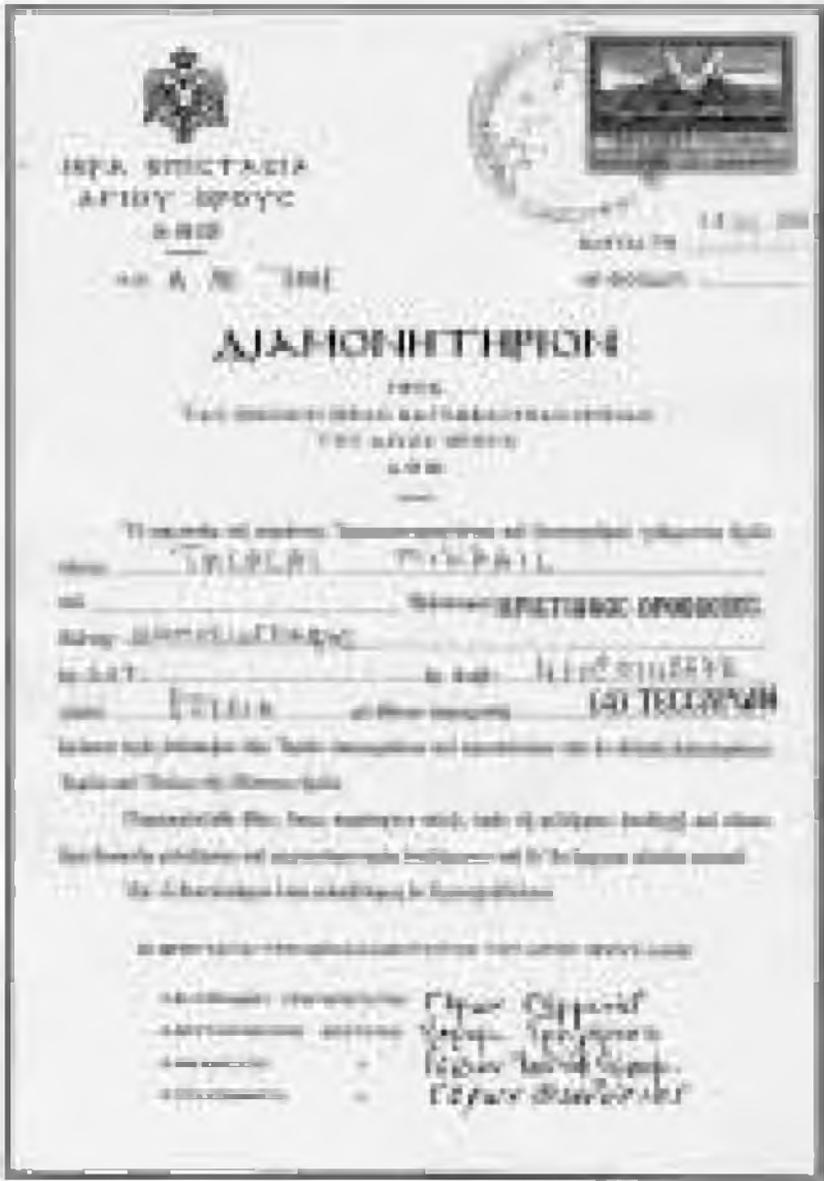
И все же, при большой заботе Греции об Афоне, иногда кажется, что греки считают его *своей* национальной собственностью, забывая, что полуостров — святыня всего Православия. Тут давно взят курс на эллинизацию Святой Горы, и рост негреческих братий искусственно сдерживается. В официальных инстанциях, кстати, выражение «русский монастырь» считается ошибочным: надо говорить «русскоязычный», ибо все обитатели номинально греческие.

Получив мидовское разрешение, богомольцы отправляются к афонской границе, в городок с подходящим названием — Уранополь («Небесный град»). На святогорский полуостров можно попасть только по воде, из Уранополя, с юга, что надежнее, или — из Иериссоса, с северо-востока, где нередки морские волнения с отменной навигации. У причала, перед отходом катера, обладателей разрешения разделяют на две очереди: одна, большая, состоит из эллинов, другая, куца, — из иностранцев, «ксенос». При этом взимается пошлина на въезд (точнее, на вплытие). Мыт сопровождается исповеданием веры, и неправославные христиане платят больше.

Конфессиональная принадлежность выражается в Уранополе простым заявлением: «ортодоссос», «католикос» и прочее. Греческих граждан не спрашивают — они считаются православными по определению.

После уплаты пошлины паломники получают диамонитирион, подорожную грамоту, — красивый документ в византийском стиле, на бумаге пергаментного вида, с двуглавым византийским орлом и печатью с образом Божией Матери, покровительницы Афона. Грамота, именуемая святогорцами просто «бумагой», подписана Эпистасией — правящей четверицей игуменов, которая циклически меняется каждый год. «Бумага» дает паломнику право безвозмездно жить и кормиться (и окормляться) в любом из двадцати святогорских монастырей, но только на четыре дня (грекам можно до двух недель). На пятый день следует или продлевать грамоту в Протате, или возвращаться в мир, но, если дано благословение игумена, можно остаться — бывает, на всю жизнь. Следует отметить, что сейчас афонское братство фактически состоит из девятнадцати обителей: монастырь Эсфигмен, не поминающий Константинопольского Патриарха, вышел из состава «республики», хотя и продолжает гостеприимно встречать посетителей (его выход, впрочем, остальной святогорской общиной не признан, и в Протате за Эсфигменского игумена подписывает все документы некий «исполняющий обязанности»).

Итак, каждое утро в половине десятого от пристани Уранополя отходит паром, курсирующий между миром и Святой Горой, по-гречески — Агион-Орос (Айон-Орос). По пути на конечный пункт, афонский порт Дафни, корабль останавливается у разных монастырских причалов — можно выйти на любом.

Диамонитирион посетителя Афона,
выданный в 1996 году

Паромы бывают разные. Один носит благочестивое название «Аксион Ести», т. е. «Достойно Есть» — по самой чтимой на Афоне Богородичной иконе. У другого — языческое название «Посейдон», но смущаться нет причин: известно, что один русский святой паломничал в Иерусалим даже на бесе.

На берегу остаются паломничьи жены: для них Афон закрыт. Гречанки относятся к этой дискриминации спокойно, как к обстоятельству, известному с детства. Им, в отличие от других европейек, не приходится объяснять, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Женщины не совсем отделены от Афона: можно сесть на прогулочный катер и подробно рассмотреть (с воды) почти все обители. Для тех же, кто хочет вдохнуть атмосферу

Паром с паломниками причаливает к пристани монастыря св. Пантелеимона. 1999

Вид на Афон с моря. 2000

афонского монашества, есть возможность посетить по-дворья, а также женские монастыри, пусть находящиеся вне полуострова, но связанные с ним канонически и духовно. Из одной такой обители, Свято-Михайловской, что на соседнем острове Тассос, даже виден шпиль Святой Горы...

Пассажиры паромов имеют характерный вид. В руках у многих — дорожный посох: его стук отпугивает зазевавшихся змей. На спинах — котомки-рюкзаки, это лучше, чем кособочащая торба. Ноги обуты в ботинки с крепкой, а главное, нескользкой подошвой, требуемой для горных троп. Опытные поклонники Горы имеют свой личный список необходимых вещей (фонарик, кипятильник, средства против комаров, будильник и прочее) и, собираясь на Афон, ставят в таком перечне галочки.

Впрочем, особо беспокоиться о мелочах смысла нет: на Святой Горе Ангел-хранитель необычайно заботлив.

Катер отплыл. Через час — первая остановка, причал, арсана сербского (сербоязычного?) Хиландарского монастыря. Почти сразу за ней — арсана болгарского Зографа.

Вскоре открывается Вышний Афон. Говорят, что в ясную погоду островерхий гигантский массив с мраморным шпилем виден морским путешественникам сразу по выходе из турецких Дарданелл. И это действительно Гора! На вершину Афона, по преданию, взшла Божия Матерь к стоявшему там языческому капищу Аполлона. Теперь на самой крутой выси храм в честь Преображения Господня, главного престольного праздника всего Афона. Служат в нем раз в год, загодя отправляясь в трудное восхождение. Восторг охватывает душу — и там водружен алтарь во славу Божию!

С моря святогорские ландшафты рисуются все яснее; рощи и долины на разных высотах просматриваются по отлогостям живописных скал. Над самую воду возвышаются древние сторожевые пирги, далеко стелющиеся на морские волны белые столпы своих отражений. Проплывая ближе, можно ясно обозреть отдельные здания древних монастырей.

Все обители, составляющие одно понятие «Афон», между собой несхожи — и не только в архитектурном отношении. У каждой — свой подвиг, свой микрокосм: подтянутый Ксиропотам, общительный Ивер, интеллектуальный Симонопетр, радикальный Эсфигмен. Впечатления пилигримов могут не совпадать: святогорский опыт — очень личный.

В одном посетители полуострова единодушны: на земле это место — уникально. Есть даже поговорка:

Часовня с Иверской иконой в монастыре Иверон. 1999

«Афон не место — это путь», причем путь, не сравнимый ни с каким другим. Он не имеет обычного, географического, измерения: путешественник тут перемещается в иных координатах, даже временных. На этом полуострове до сих пор живет Византия, не покоренная ни крестоносцами, ни турками, ни постхристианской Европой. Как бы для укрепления этого чувства афонцы используют исключительно юлианский календарь (даты по новому стилю зачастую просто игнорируются). Время же отсчитывают по-византийски, от захода солнца, причем разница между мирским и афонским циферблатом меняется в зависимости от времени года: летом это примерно три часа, зимой — пять.

Но главное — здесь другие духовные измерения. В Уранополе остается «мир» с его бесчисленными, а по

афонским меркам, и бессмысленными проблемами. На Афоне же — другое жизненное пространство, где есть одна-единственная проблема — спасение души. Прочее уходит в разряд несущественного, вместе с телевидением, радио, ресторанами и прочими «достижениями» цивилизации. Беседы здесь, соответственно, сразу выходят на другой уровень. Вместо обычного «как работаешь?», «сколько получаешь?», «как с жильем?» здесь могут сразу спросить: «Готов ли к Страшному Суду?» И спросить так, как будто сей Суд грядет завтра.

...Быстрые удары по деревянному билу (некогда из-за боязни привлечь внимание турок и пиратов афонцы перестали пользоваться колоколами, и лишь русские иноки вновь ввели звоны) призывают насельников и их гостей ко сну. После великолепного заката — а восходом можно любоваться на другой стороне полуострова — монастырские ворота накрепко закрываются. На Афоне — полночь. В мире в это время чуть больше восьми вечера, и по соседству со Святой Горой тысячи греков и курортников всех стран начинают ночной поход по барам, тавернам, дискотекам. После разезда по домам на мирских дорогах почти каждую ночь происходят смертельные случаи: подвыпившие отпускники давят в темноте пешеходов, сшибаются с такими же гуляками-лихачами.

В это время над Эгейским морем еще темно. Святогорцы выходят на полунощницу.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО МОНАШЕСТВА

Второго ноября 1912 года, во время Первой Балканской войны, на полуострове Агион-Орос высадился греческий десант из 70 моряков, доставленных знаменитым крейсером «Аверов» и тремя малыми судами. Греки без кровопролития взяли в плен турецких чиновников: так, необыкновенно мирно, закончилось пятивековое оттоманское владычество на Святой Горе.

Турецкая власть на Афоне, за исключением редких случаев, как, например, во время греческого восстания 1821 года, вела здесь относительно мягкую политику, удовлетворяясь крупной данью монастырей и особо не вмешиваясь в их жизнь. Агаряне не препятствовали быстрому возвышению славянских обителей, которое было предметом недовольства со стороны греков, особенно на рубеже XIX–XX веков, в эпоху их упорной борьбы с турецким игом и соответственного роста патриотических настроений.

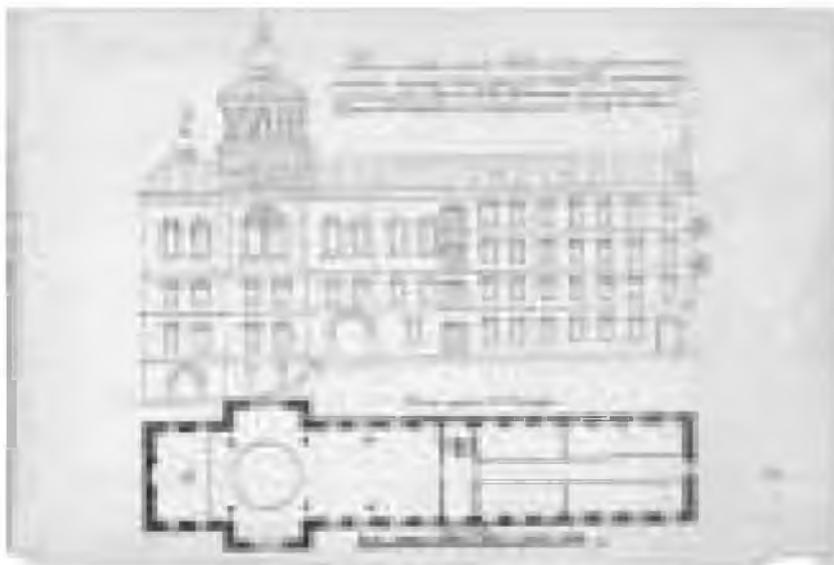
К моменту падения туркократии, как в Элладе называют турецкое иго, Афон по своему национальному составу утратил изначально преобладавший эллинизм: из десяти тысяч святогорцев половина была российской, а в числе второй половины, помимо греков (около 4 тысяч монахов), состояли сербы, болгары, румыны, грузины и другие.

Вместе с тем сохранялось сложившееся веками традиционное количество монастырей — семнадцать гре-

Купола трех русских храмов в окрестностях Кареи. 1996

ческих (в них обитала одна десятая общего афонского населения) и три славянских: русский Пантелеимоновский, болгарский Зограф и сербский Хиландарь. Иногда русские скиты, зависимые от греческих монастырей, как, например, Андреевский и Ильинский, значительно превышали по своему богатству «господствующие» монастыри, к коим были приписаны. Однако в Киноте, афонском органе самоуправления, куда входило двадцать антипросопов, представителей только лишь монастырей, эти обители представлены не были, так же как и многочисленные насельники русских келлий и калив (по святогорской терминологии, келлией называется достаточно большая обитель с церковью, но не имеющая той степени самостоятельности, что имеет скит; калива – это малая обитель без храма). В результате половина Афона

Листовка для сбора пожертвований на строительство странноприимного корпуса в Русском Андреевском скиту на горе Афон. Конец XIX века

Андреевский скит. 1996

(русская), имевшая одного лишь члена Кинота, не раз поднимала вопрос о реформах в «монашеской республике».

Грандиозность русского Афона являлась результатом искреннего влечения нации к знаменитой святыне, при этом его направленно поддерживало и царское правительство, веками стремившееся к Проливам. Символична встреча в начале 1914 года представителей Андреевского скита с Николаем II, выказавшим, после благочестивой беседы с иноками, интерес к стратегическим характеристикам одной бухты, приобретенной обителью.

До сих пор потрясают размеры Пантелеимоновского монастыря: это целый город, рассчитанный для многих сотен постоянных насельников и пришлых богомольцев, — невиданные числа для православного Востока. Почти столь же велик Андреевский скит, главная церковь которой и поныне, спустя сто лет, остается крупнейшим

Фотография «на память». Начало XX века

храмом на греческой территории, немного уступая лишь собору в Патрах. Такой размах не мог не настораживать эллинов, с обостренным в тот период национальным чувством и страхом перед пресловутым «панславизмом».

Накануне Балканских войн российское монашество в целом стерпелось с турками и не сочувствовало идее присоединения Афона к Греции, справедливо ожидая, что при греческом суверенитете полуострова подобной «экспансии» будет положен конец. Характерно, что турецкая администрация при приближении греческого флота укрылась именно в Пантелеимоновском монастыре. Под угрозой артиллерийского обстрела русский

игумен выдал горстку турок (менее десяти человек, в основном таможенников и почтальонов). Сопrotивление было бесполезным: Оттоманская Порта не могла удерживать этот участок Балкан.

Турократия навсегда закончилась. Но кому должен принадлежать теперь Афон? Греческие монахи не имели никаких колебаний по поводу его вхождения в состав королевства эллинов, русские же выражали особое мнение...

Новая политическая карта Македонии была обозначена на Лондонской конференции 1913 года. При ее раскpoйке обострились противоречия в стане победителей турок, в первую очередь между греками и болгарами, что привело ко Второй Балканской войне. Россия, осуществлявшая в целом прославянскую (ее в Греции именуют панславистской) политику, свои политические интересы в районе Проливов и на Балканах проявила, в частности, в афонском вопросе. На рассмотрение конференции она вынесла проект автономизации Афона. Учитывая многонациональный и общеправославный характер святогорского иночества, было предложено установить над афонской (по проекту — нейтральной) территорией протекторат шести православных государств: России, Греции, Румынии, Болгарии, Сербии, Черногории. Ведущая роль в подобном протекторате, вне сомнения, принадлежала бы самой России. Идея интернационализации Афона конференцией была одобрена: ее поддержала даже греческая сторона, искавшая в тот момент благорасположения Российской империи.

Конечно, с подобной перспективой не могли мириться монахи-эллины: представители семнадцати монастырей (т. е. все греческие) составили протест, отправленный в форме открытого письма на Лондонскую конференцию послов и в министерства иностранных

дел заинтересованных стран. Греческие афониты на ектениях стали возносить имя монарха Эллады, демонстративно именуя его не Константином I, а Константином XII — по византийскому счету. В октябре 1913 года Кинот определил «священную местность Святой Горы» как неразрывно «соединенную со всей страной Эллинского государства». Однако все шло, казалось, к отделению Афона от греческого королевства: по пятому параграфу Лондонского договора, европейским сверхдержавам было поручено выработать особый статус Святой Горы.

В том же 1913 году русский Афон пережил тяжелую драму, связанную с имяславческим движением. Учение об Имени Божиим, вызревшее в среде русских святогорцев, нашло как горячих приверженцев, так и не менее горячих оппонентов. Не вдаваясь в суть богословского спора, отметим, что имяславцы, как называли себя сторонники учения (оппоненты называли их имябожниками), пошли на ряд крайних действий: изгнали, например, настоятеля Андреевского скита, их не поддержавшего, отвергли решения духовного главы Афона, Константинопольского Патриарха, и петербургского Синода. В ответ российские власти пошли на применение военной силы — на Афон был выслан военный крейсер, депортировавший непокорных монахов. Это событие вызвало широкий резонанс в России: либеральная пресса встала на защиту имяславцев, а консервативная одобрила действия правительства.

Почему же государство отважилось на столь крайние меры? Эту акцию следует рассматривать в контексте общей балканской политики России. После решений Лондонской конференции для русской стороны протекторат над Афоном виделся уже делом решенным. Озабоченные

стихийным имяславческим движением, российские власти, вероятно, желали продемонстрировать Европе, что имеют право и возможность регулировать положение на Святой Горе. Милитаризованные действия были спровоцированы и упорными слухами, что греки, которых, кстати, имяславческое движение не коснулось, под предлогом искоренения «ереси» сами расправятся с русскими обителями. Внешний порядок на Афоне восстановился, однако с его территории была удалена пятая часть русского иночества...

В устранении конфликта участвовали и российские дипломаты, организовавшие проверку паспортов монахов и выявившие нарушения правил, касавшихся проживания российских подданных за границей. Об этом, как еще об одном основании строгих мер, было объявлено, что породило среди греков слухи о «преступниках в рясах».

Следующий год, 1914-й, принес новые беды. В результате Первой мировой войны Афон оказался полностью отрезанным от России. Прекратилась финансовая помощь от правительства в лице Св. Синода и частные пожертвования, пресекся обильный поток пилигримов, стало невозможным посылать на родину монахов за покупкой продовольствия, собственность обителей на турецкой территории (крупные подворья в Стамбуле) была конфискована, а сами подворские монахи арестованы.

Кроме того, русское правительство в 1914–1915 годах мобилизовало на фронт часть русских насельников, преимущественно из числа послушников. Это, кстати, сформировало среди греков мнение, что Россия посылала на Афон для его русификации солдат, переодетых в монахов.

Война наложила отпечаток и на внутреннюю афонскую историю: в 1914 году тут произошли стычки между насельниками русского и болгарского монастырей

Афонский келлиот. Фотография нач. XX века

(Россия и Болгария оказались в разных военных лагерях), в то время как некоторые греческие монахи помогали немцам, в частности экипажам подводных лодок.

В обителях начался голод. Отчаянные попытки добыть продовольствие успехом не увенчались. К числу драматических эпизодов следует отнести гибель в октябре 1917 года так называемого александрийского груза. Он состоял в основном из зерна, купленного в складчину в Египте русскими обителями. Знаменательно, что гибель продовольствия, утонувшего в Эгейском море на глазах у монахов, тут расценили как Божие наказание за проведенные в Пантелеимоновом монастыре молебствия о даровании победы Временному правительству.

В России шла Гражданская война, но афонское иночество, порицая, естественно, большевизм, от каких-либо политических выступлений воздерживалось. Так, в 1919 году на письмо преосвященного Анастасия (Грибановского) с призывом «подать свой голос в защиту угнетенного большевизмом народа» настоятели трех крупнейших обителей ответили, что «едва ли в данном случае найдемся в состоянии произнести влиятельное слово к вразумлению наших соотечественников».

Между тем в России утвердилась новая власть, враждебная к Церкви и монашеству. Рассчитывать на какую-нибудь помощь с родины уже не приходилось. Были национализированы вклады в банках, с которых на Афон поступали проценты, закрыты российские подворья, оказывавшие материальную поддержку, напроочь оборвалось паломничество. Погибла и идея общеправославного протектората над Святой Горой: советское правительство (на первых порах) Афоном не интересовалось. Положение о греческом суверенитете Афона было утверждено Севрским договором 1920 года, а в 1923 году ратифицировано договором Лозаннским — при полнейшем отсутствии какой-либо русской позиции.

До 1924 года делами афонцев номинально занималось прежнее Генеральное консульство России в Салониках. К тому моменту реальной силы оно уже не представляло, а с признанием Советского Союза Грецией было вовсе закрыто. В новых внешнеполитических условиях греческая сторона взяла курс на полную эллинизацию Афона. Строгость такой политики отчасти была обусловлена российским проектом его отделения от королевства.

В начале 1920-х годов группа афонцев-греков занялась разработкой юридического статуса полуострова.

Новую хартию, представленную в Кинос в 1924 году, одобрили все монастыри, кроме русского. В 1926 году положение об Афоне было ратифицировано греческим парламентом и вошло в Конституцию, в составе 105-й статьи. Агион-Орос при этом рассматривался как неотъемлемая часть греческой территории, образующая особый, самоуправляемый ном (область) с собственным правительством, Киносом. Его духовной главой, по многовековой традиции, оставался Патриарх Константинопольский. Вводилась новая государственная должность — губернатор, представлявший греческое правительство. Он имел ранг префекта и отчитывался перед министерством иностранных дел. Все афонцы должны были иметь греческое подданство; постоянное проживание иностранцев на полуострове не допускалось. С тех пор все святогорцы, вне зависимости от их происхождения, официально считаются греками, с возможным добавлением «русскоязычные», «болгароязычные» и проч. Русский Пантелеимоновский монастырь становился, таким образом, «греческим русскоязычным».

Новое положение юридически создало препятствия для пополнения агиоритов за счет негреков. Русское монашество на Афоне не могло существенно обновляться даже теми эмигрантами, что были готовы принять постриг. Вводились серьезные ограничения и для иностранных богомольцев: они теперь получали визу лишь на краткий срок.

Между тем и сама Греция переживала тяжелый кризис, связанный с разгромом ее армии в Малой Азии и наплывом оттуда обездоленных беженцев. Правительство размещало эмигрантов преимущественно в Северной Греции и с этой целью конфисковало некоторые местности (угодья) русских обитателей, например обширный

метох Андреевского скита под Кавалой (тот самый, которым интересовался царь). Иноки, получавшие доходы и продовольствие от метохов, пробовали протестовать в разных инстанциях, обращаясь к лорду Керзону, в 1923 году, и в Лигу Наций, в 1928 году, но безуспешно.

Принудительное «огречивание» и различные ущемления углубляли недовольство русских монахов новой властью. Во время Второй мировой войны афониты, выходцы из России, видели в немцах, оккупировавших Грецию, борцов с большевизмом, и это привело к случаям коллаборационизма. Салоникский трибунал в 1945 году постановил за это ущемить в гражданских правах группу болгарских и русских монахов; существует, впрочем, мнение, что этот судебный процесс был составной частью общей политики эллинизации.

Утратив какую-либо поддержку на прежней родине и не найдя ее на родине новой, русские афониты стали искать покровителей в других странах, в первую очередь в Сербии, которая действительно не оказалась безучастной к их тяжелому положению: им, например, был разрешен там сбор средств. Конечно, взоры афонцев обращались и к русской диаспоре, как к оседлой (например, в Карпатской Руси), так и ко вновь образованной. До Второй мировой войны, когда эмигранты сами боролись за выживание, эта помощь была большей частью исключительно моральной. После войны, в 1950–1960-е годы, когда эмигрантские структуры, включая церковные, окрепли, поддержка стала ощутимее.

В 1956 году русскую диаспору взволновало отчаянное письмо нескольких афонитов с рассказом о бедствиях и притеснениях. В результате во Франции, в кругах, близких к Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе (Константинопольский Патриархат),

Первоначальная соборная церковь
Андреевского скита с могилой основателя,
игумена Виссариона (Толмачева). 1996

возникла Ассоциация друзей Афона. Резонанс достиг и Греции: настоятелям трех крупнейших русских обителей пришлось письменно опровергать послание, заявляя о своей вполне благополучной жизни.

Однако поддержки эмигрантов и славянских стран было мало: русская жизнь на Афоне затихала.

Наименее защищенными оказались насельники малых обителей — калив и келлий. Они зависели от «господствующих» монастырей, на землях которых проживали, и зависели не только юридически, но и экономически. Общеафонский кризис, наступивший в 1920-х годах, — ему могли как-то противостоять большие монастыри — в первую очередь сказался на русских келлиях и каливитах. В конце XIX века эти святогорцы основали Братство русских обителей, с целью взаимопомощи. Русское правительство, через консульство в Салониках и посольство в Стамбуле, оказывало всяческую поддержку новому афонскому явлению. Киноту пришлось считаться с Братством как с влиятельным учреждением, хотя греки не одобряли его деятельность, считая Братство ассоциацией немонашеского типа, принципиально противоречившей канонам Святой Горы. По окончании туркократии Братство решительно боролось за интернационализацию Афона, чем предопределило свою дальнейшую печальную судьбу: в 1930-е годы оно практически перестало существовать. Последнее опубликованное воззвание Братства, нам известное («Иноки... с самого начала великой мировой войны испытывают крайнюю нужду в насущном хлебе...»), относится к 1934 году.

Статистика русского монашества на Афоне поражает. В 1912 году, в момент его максимального расцвета, здесь существовали: один монастырь, два больших обще-

жительных скита, 34 келлии и 187 калив, с общим населением, как уже сообщалось, в пять тысяч человек. К началу XXI века из всех этих обитателей русским остался лишь монастырь.

Русская Церковь, преследуемая у себя на родине, долгое время не могла влиять на афонскую ситуацию. Лишь после Великой Отечественной войны и «перемирия» между советским государством и Церковью появилась возможность как-то заявить протест против жесткой эллинизации Афона. В 1948 году на торжествах, посвященных 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви, впервые после революции в России прозвучали официальные выступления в защиту русских святогорцев. Их настойчивость побудила греческую сторону на ужесточение позиции.

К тому же периоду относятся визиты советских дипломатов на Афон: самый первый из них состоялся в 1946 году. Можно предположить, что на новом историческом этапе СССР был не против включить в свою орбиту русский Афон и мог использовать естественную тягу к нему со стороны Московского Патриархата. Сами святогорцы весьма холодно встречали дипломатов-«соотечественников», которые при входе в церковь даже не осеняли себя крестным знаменем. В начале 1950-х годов Московский Патриархат, опять-таки в сотрудничестве с МИДом, предложил свое покровительство русскому Афону, однако подобное предложение было отвергнуто. После этого российские иерархи стали проводить радикальную политику, требуя у Константинопольского Патриарха переводение русских обителей к себе в юрисдикцию. К середине 1950-х позиция Русской Церкви смягчилась, а в 1957 году Московский Патриархат официально обратился в Константинополь и к грече-

скому правительству с просьбой разрешить приезд из СССР десяти монахам. Ответа не последовало.

На рубеже 1950–1960-х годов Русскую Церковь парализовали хрущевские гонения, но по их окончании она опять стала выступать против эксцессов греческой политики на Афоне: иерархи Московской Патриархии публично выступали с протестами.

Наконец, в 1966 году, спустя полвека, на Афон прибыло первое пополнение русского монашества: по особой договоренности между Московским Патриархатом с одной стороны и Константинопольском Патриархатом и греческим правительством — с другой в братство Пантелеимоновского монастыря было включено пять новых монахов. Через четыре года из СССР прибыла вторая партия иноков, а за ней — следующие пополнения. Русский монастырь выстоял.

Иначе сложилась судьба двух крупнейших афонских скитов, основанных и отстроенных некогда русскими монахами, — Ильинского и Андреевского: в начале 1990-х годов они перешли в греческие руки.

Многочисленные русские малые обители, рассеянные по всему полуострову, в большинстве своем стоят заброшенными. Некоторые из них разобраны, за исключением церквей: их, по афонским традициям, трогать нельзя. Один из таких пустых храмов обрушился в 1997 году (см. об этом главу «Келлия св. Иоанна Богослова»).

Ныне связи между русским Афоном и Россией укрепились. В Москве действует афонское подворье, как пуповина, связующая монахов с родиной. В Салониках с 1996 года существует консульство Российской Федерации, взявшее под опеку афонитов-соотечественников. Русские монахи стали пополнять Святую Гору нетрадиционными путями: один инок, например, попал

Одна из заброшенных русских церквей возле Кареи. 1996

в Грецию туристом и принял постриг уже на самом Афоне. Другой русак, пешком придя из Владивостока, долгое время нелегально жил среди отшельников Карули, самой дикой части Афона, а пойманный полицией, получил неожиданное покровительство (и постриг) у игумена Великой Лавры. Известны ранее небывалые случаи, когда греческие общины принимали в свой состав славян. Несколько русских братств вселилось в малые обители, приписанные к Симонопетровскому и Зографскому монастырям. Менее строго теперь применяется закон об обязательности греческого гражданства для новых святогорцев.

Сейчас нет сомнений, что Пантелеимонов монастырь останется «русскоязычным» (по терминологии греческих чиновников), а ведь до середины 1960-х годов существовали серьезные опасения, что и он будет эллинизирован. Другие же русские обители Святой Горы, увы, закончили свое существование.

ПАНТЕЛЕИМОНОВ МОНАСТЫРЬ

Святогорский путь — это всегда неожиданность: непредвиденная встреча и минутный разговор могут резко изменить все планы (впрочем, в этом краю ясно понимаешь: ничего случайного в жизни не происходит). Однако, куда бы ни забредал русский путник, какими бы тропами ни ходил, они рано или поздно приведут его в славный Пантелеимонов монастырь.

Всех без исключения поражает грандиозный вид обители, со множеством разнообразных строений и куполов. По существу, это целый иноческий город. В отличие от большинства афонских монастырей Пантелеимонов многокрасочен: пилигримы-греки называют его «Прасини мони», «Зеленый монастырь», по необычному цвету его крыш. И на Афоне этот зеленый цвет для русского богомольца становится родным.

Обитель была основана в начале XI века и первоначально располагалась в Ксилургу (см. ниже главу «Скит Ксилургу»). Во второй половине XII века русские иноки, вследствие своей многочисленности, переселились из Ксилургу в Нагорный (Старый) Руссик, первоначально именовавшийся Пантелеимоновым монастырем Фессалоникийца. Он известен пострижением здесь в монахи св. Саввы Сербского в 1196 году (обитель впоследствии получила статус скита; здесь в 1925 году освятили прекрасный храм во имя св. Пантелеимона Целителя, с высокой шатровой колокольней).

Главный внутренний двор Пантелеимонова монастыря. 1996

Во время монголо-татарского ига связь Руси с Афоном прервалась. «Старый» монастырь Фессалоникийца был оставлен русскими иноками и заселен греческими. Несмотря на деятельную помощь московских государей в XV–XVII веках, русская жизнь на Руссике почти не возрождалась: знаменитый путешественник Василий Григорович-Барский, побывавший тут в 1744 году, сообщил, что «у монастыря только название русское».

В конце XVIII века иноки из Руссика перешли на берег моря — в нынешний Пантелеимонов монастырь, основанный в XVII веке епископом города Иериссоса на месте скромной келлии. Во время русско-турецкой войны 1827–1828 годов монастырь временно опустел, но в 1835 году греческий игумен Герасим пригласил в обитель русских насельников, надеясь ее укрепить. Сюда из

Ильинского скита переселился и известный своим благочестием и ученостью о. Аникита (князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов), ставший ктиторм монастыря. С 1850-х годов русское братство стремительно росло, а в конце XIX века, при архимандрите Макарии (Сушкине), — прежде настоятелями были греки — обитель окончательно перешла в русские руки и начала быстро отстраиваться.

В Константинополе, Одессе и Москве появились большие пантелеимоновские подворья с храмами, а в начале XX века монастырь устроил на Кавказе крупную обитель, Ново-Афонскую Симоно-Кананитскую, ставшую важным связующим звеном между Святой Горой и Россией. В те годы монастырь достиг наибольшего расцвета: его братия насчитывала до двух тысяч иноков (включая иноков, проживавших в многочисленных малых обителях, приписанных к монастырю, а также на подворьях вне Афона). Обитель тогда широко занималась религиозно-просветительской деятельностью, издавая множество книг, брошюр и выпуская журнал «Душеполезный собеседник». Огромное внимание уделялось паломничеству: ведь в начале XX века Святую Гору ежегодно посещало до 30 тысяч россиян!

О великом прошлом Пантелеимонова монастыря существует целая литература. Сейчас он напоминает город с эвакуированным населением, где осталась горстка хранителей.

Его история в новейшее время повторяет историю всего русского Афона. В начале 1900-х годов среди иноков распространяется имяславие (это учение первоначально овладело насельниками Новой Фиваиды), и в 1913 году с полтысячи пантелеимоновцев были вывезены в Россию. Первая мировая война отрезала обитель от

родины, а турки захватили подворье в Константинополе как «вражеское»; одновременно на фронт призвали часть братии. С 1917 года связь с Россией окончательно прервалась.

На помощь новых правителей России уповать не приходилось — слава Богу, что они были далеко... Пантелеимоновская община стала резко уменьшаться: в 1918 году она насчитывала около восьмисот монахов, в 1925 — пятьсот шестьдесят, в 1945 — сто восемьдесят, в 1956 — семьдесят пять, в 1965 — только двадцать. Многие опасались, что и здесь русская жизнь прервется... Но монастырь, будучи одним из «господствующих», сумел сохранить свою русскость.

В 1966 году, спустя полвека, афонская братия вновь пополнилась русскими насельниками: по договоренности между духовными и светскими властями в Пантелеимонов монастырь поступило пять монахов. С тех пор Московский Патриарх стал официально считаться ктиторм обители, получив реальную возможность ей помогать. С начала 1990-х годов эта помощь, так же как помощь жертвователей из России и Украины, возросла: численность братства несколько увеличилась (сейчас тут около 50 человек), отстраиваются и реставрируются монастырские здания; в российской столице возродилось Пантелеимоновское подворье.

Пилигримы обычно прибывают в обитель на пароме. На берегу стоит арсана и несколько корпусов, в одном из которых расположен архондарик, с Преображенской церковью. Неподалеку, также вне монастырских стен, — братская усыпальница, самая ухоженная на Святой Горе.

Пройдя сквозь большую порту (врата), паломник попадает на обширный монастырский двор с кафоликоном — соборным храмом во имя св. Пантелеимона,

Фреска с изображением св. Пантелеимона в Святых вратах Русского монастыря. 1999

возведенным в 1812–1821 годах. Увенчанный восемью куполами, он типичен для афонских византийских и поствизантийских храмов, имеет большие экзонартекс и нартекс (наружный и внутренний притворы). Интерьеры расписаны русскими художниками в конце XIX века; не может не восхитить великолепие резного позолоченного иконостаса. В кафоликоне хранятся глава св. Пантелеимона, частицы мощей Святых Иоанна Предтечи, Стефана Нового, Параскевы, Марины, Иосифа Обручника, апостола Фомы, Иоанна Златоуста и других угодников Божиих.

Напротив собора — гигантская трапезная, на 800 человек, самая большая на Афоне, расписанная, как и кафоликон, русскими мастерами в конце XIX века. Над

Образ Пресвятой Богородицы «Экономиссы домостроительницы». Фрагмент фрески из собора св. Пантелеимона

Успенский и Свято-Митрофаньевский храмы
Пантелеимонова монастыря. 1996

трапезной — прекрасная колокольня в московском стиле. На ней водружены два десятка колоколов, главный из которых, весом 13 тонн, — один из самых больших в мире.

Рядом с соборной церковью — храмы святителя Митрофана Воронежского и Успения Божией Матери, библиотечное здание. Тут же — громадный северный корпус, где расположено девять параклисов. Среди них выделяется верхняя соборная церковь св. Александра Невского и Покрова Богородицы, украшенная русскими мастерами, с золочеными иконостасами и множеством икон. В ней хранятся многие реликвии, в том числе честная глава преподобного Силуана Афонского, одного из величайших молитвенников XX века (святой нес послушание на мельнице вблизи монастыря). Вседнев-

ные монастырские службы идут именно в этой церкви, попеременно с кафоликоном.

Как солнце повторяет свой путь на небе, так и насельник «Пантелеймона» повторяет свой день.

Встают монахи в 7 часов по-византийски (зимой это 2 часа ночи!), когда начинается ранняя обедня, а вслед за ней — поздняя. Часов в 11, напившись чая, все идут на различные послушания: кто на огороды, кто на стройку, кто в канцелярию. Часа в два обеда-

Ковчег с честной главой преп. Силуана Афонского

ют и опять идут на работы — до 7 часов, когда полагается вечерний чай. После него вечерня, затем — ужин, повечерие, по окончании которого насельники расходятся по кельям, где нужно прочесть установленное число молитв и положить столько же земных поклонов. Это называется «тянуть четки». Для схимников — 12 четок (в каждой четке по сто поклонов), для простых монахов — 7. Глубокой ночью звонят к заутрени, продолжающейся часа два. И так ежедневно, до самой кончины, которая здесь ожидается как долгожданный переход в иной мир. Таков, по крайней мере, распорядок дня образцового монаха, а следуют ли все пантелеймоновцы строгим правилам, знает лишь Господь Бог и... духовник о. Макарий.

Андреевский храм в одноименном скиту. 1996

АНДРЕЕВСКИЙ СКИТ

Легендарная русская обитель на Афоне, скит св. Андрея Первозванного, справил полтора века своего существования — сто пятьдесят лет, полных невидимых подвигов и забытых драм. Колоссальный «Кремль Востока», как некогда прозвали его греки, познал быстрый взлет и не менее быстрый упадок.

Расцвету обители способствовал известный духовный писатель и паломник по Востоку А. Н. Муравьев. Посетив Святую Гору в 1849 году и приняв близко к сердцу дела небольшой русской келлии, он добился у афонского правительства, Протата, ее возвышения до статуса скита. Стяжав определенную независимость от «материнского» Ватопеда, скит стал бурно развиваться и строиться.

В середине прошлого века связь скита с Россией поддерживал археолог П. И. Севастьянов, получивший, как и Муравьев, звание ктитора скита. Этот неутомимый исследователь афонских древностей использовал обитель как свою научную базу: за несколько экспедиций он собрал превосходную коллекцию византийских древностей. По его рекомендации в скиту останавливались также исследователи и художники из Западной Европы.

В 1860-е годы андреевцы решились на строительство нового собора. Их заветной мечтой было участие в закладке храма представителя Дома Романовых, который, соответственно, стал бы покровителем скита.

Фотография А. Н. Муравьева, ктитора скита, хранимая его насельниками. 1996

Организовать такое участие они испросили российского посланника в Константинополе. Замысел удался: 16 июня 1867 года Великий князь Алексей Александрович, 17-летний сын Александра II, находившийся тогда в учебном плавании по Средиземноморью, посетил Святую Гору и положил первый камень в основание собора. Было решено освятить собор во имя св. Андрея Первозванного и в память избавления Александра II от смертельной опасности во время покушения поляка Антона Березовского в Париже.

Церковь строили (по проекту петербургского академика архитектуры М. А. Щурупова) необыкновенно долго: она была освящена лишь спустя 33 года после закладки, в 1900 году, а нижний храм, во имя святителя Алексия Московского и в честь рождения цесаревича Алексея, — уже в 1904 году. Однако в результате этого «долгостроя» на Афоне вырос храм, затмивший своим великолепием все предыдущие. Его интерьеры, совершенно неизвестные в России, поражают и сейчас огромным золоченым иконостасом и

Внутренний вид Андреевского собора. 1996

монументальными росписями. Всего же в скиту действовало около двадцати церквей — как в полноценной лавре.

Своим благолепием обитель была немало обязана о. Иннокентию (Сибирякову), владельцу золотых присков и правдолюбцу, прозванному «монахом-миллионером». Он ушел на Афон, несмотря на отчаянное сопротивление родственников, пытавшихся объявить его сумасшедшим и удержать капиталы в семье.

Андреевцам была свойственна и деятельность, которую сейчас назвали бы культурной: они выпускали свой журнал и книги, собирали иконы. Большую коллекцию икон, в том числе византийских, иноки разместили в крипте собора, а для гигантской библиотеки отвели отдельный корпус.

В 1910-х годах начался резкий упадок. Истинною драмою стала имяславческая смута: в 1913 году в Россию из скита было депортировано около двухсот монахов. Самой яркой личностью среди имяславцев являлся схимонах Антоний (Булатович), бывший гусар. Его излишняя горячность принесла опасные плоды: о. Антоний возглавил переворот в обители, закончившийся изгнанием канонически поставленного настоятеля.

Для увещевания имяславцев на Афон прибыл синодальный миссионер игумен Арсений (Дубровин), один из учредителей Союза русского народа. Однако в Андреевском скиту он неожиданно примкнул к имяславцам и подтолкнул к такому «выбору веры» колеблющихся. Престарелый о. Арсений скончался в скиту в 1913 году, по окончании смуты, и как «еретик» был даже лишен христианского погребения.

В 1914 году, после начала Первой мировой войны, турки, закрыв Проливы, захватили в Константинополе российскую собственность, в том числе скитское по-

Андреевский скит: боковой фасад нового собора, первоначальный собор и сгоревший корпус. 1996

дворье: традиционная связь с родиной через Черное море и Одессу прервалась. Одновременно Россия призвала на фронт часть насельников, в первую очередь — всех послушников, трудников и даже рясофорных монахов, подлежавших призыву. Революция и Гражданская война нанесли окончательный удар — скитские подворья в Петербурге, Ростове-на-Дону и Одессе были отобраны, банковские счета «национализированы».

Новый статус Афона в составе Греции и местная политика, направленная на эллинизацию Святой Горы, довершили падение «Кремля Востока». Смерть в 1971 году последнего андреевца о. Сампсона обозначила конец целой эпохи Афона. После этого двадцать лет скит стоял пустым, разваливаясь и подвергаясь святотатствам и ограблениям.

Мне довелось попасть сюда, когда в «Кремле Востока» не было ни души... В скит вели огромные литые ворота, мне не поддавшиеся.

Зайдя в тыл обители (на поход ушло почти полчаса), я обнаружил, что ворота выполняли исключительно декоративную функцию: один из угловых корпусов выгорел и полуобвалился, и в образовавшуюся брешь мог свободно въехать весь наш паломнический автобус, пришедший в Карею из Дафни.

Гигантский внутренний двор оказался по пояс заросшим травой. В центре двора находился фундамент какого-то здания, судя по расположению, некогда игравшего важную роль (позднее я узнал, что это был знаменитый Серай, патриарший дворец). Сливовое дерево у фиала с пересохшим фонтаном густо засыпало землю своими спелыми плодами: ими никто не интересовался.

Двери собора тоже не открывались. Полный осмотр здания — против часовой стрелки, как во время крестного хода, — никаких лазов не открыл. Я вернулся на паперть, в стену которой была вмонтирована мраморная доска: «Сей храм заложен в память чудесного избавления от смертельной опасности, грозившей Императору Александру Второму...» Где именно, от кого и когда ему грозила опасность — уже не читалось. И царь в итоге не уберется, и храм заколочен.

Напротив собора через двор, как положено, дверь в дверь, стояла распахнутая настезь трапезная. Когда-то сюда после службы, выходя из храма, иноки чинной вереницей, не отклоняясь от прямой траектории, шли на трапезу. Просторный полукруглый зал, десятки длинных деревянных столов, заваленных пометом летучих мышей и всяким хламом. Неужели за этими столами кто-то кормился?

Малые церкви, как их зовут на Афоне, параклисы, были открыты. Некоторые из них стояли совсем голые, нещадно ободранные, в других уцелели остатки стенных росписей и пустые иконостасы. Обход братских корпусов напоминал прогулку по городу, пораженному нейтронной бомбой. Я обнаружил различные мастерские, пекарню, мельницу, котельную, аптеку, больницу, иконописное и фотографическое ателье, затем прошелся по кельям с их скудным типовым убранством: постель, шкаф, сундук. Кое-где на столах лежали эмигрантские газеты 1960-х годов.

За монастырским каре, в отдельном строении, я разглядел сквозь окно стеллажи с черепами. Вот она, знаменитая афонская усыпальница! На дверях склепа висел замок, снимавшийся вместе со щеколдой и гвоздями.

В центре склепа, в небольшом застекленном шкафчике, располагались черепа скитонаачальников, с подробными эпитафиями на лбах и в хронологическом порядке.

С высоченных, до потолка, стеллажей на меня смотрели пустыми глазницами главы насельников. Я брал черепа наугад и, стирая с них пыль, читал лаконичные надписи на лбах: «Убит разбойниками», «Прожил более ста лет», «Утонул в море», «Бывший агроном». Одна эпитафия сообщала о филологических достоинствах инока: «Хорошо знал греческий язык» — видно, с языком туземцев туговато было у русских афонитов.

Если сам скит мне казался мертвым, то здесь, в усыпальнице, на меня повеяло жизнью...

В 1992 году в пустую обитель, по решению Ватопедского монастыря, вселилась небольшая группа греческих монахов во главе с архимандритом Павлом (Политисом). Ядро новой общины составляла семья: отец отца (странное словосочетание) Павла и его брат. Настоятель,

Мошевик с частью главы апостола Андрея Первозванного
в Андреевском скиту. 1996

будучи профессиональным реставратором, приложил много усилий для консервации и восстановления наследия своих предшественников. При этом, однако, русская монашеская традиция здесь оборвалась. Прискорбно и то, что престарелый о. Андрей (отец архимандрита Павла) избрал странную форму юродства, русофобию, обрушивая на греческих посетителей скита небылицы о русском Афоне и даже чиня препятствия паломникам из России.

В декабре 1999 года я прибыл специально на 150-летие скита. На панигирь, Андреев день, в обитель сошло множество гостей во главе с греческим епископом Михаилом, экзархом Центральной Европы. Торжественная служба шла в Андреевском соборе — такое событие случается раз в год: общинка была так мала, что чув-

ствовала себя в гигантском храме неудобно (ежедневные богослужения шли в другом месте).

На один день здесь возникло эфемерное впечатление былого многолюдья.

В начале XXI века в истории скита произошел новый поворот: по решению Ватопеда в него вселилась дюжина иноков из Филофея во главе с о. Ефремом. Вскоре он получил сан нового дикея, вместо архимандрита Павла. Спустя многие десятилетия в обители появились и русские послушники. Тогда же началась первая профессиональная реставрация храма – по удивительному стечению обстоятельств русскими же руками.

Собор св. Или Пророка в одноименном скиту. 1997

ИЛЬИНСКИЙ СКИТ

Посетителя Афона из России влечет прежде всего в русские места. Не то чтобы греческие монастыри менее благодатны, но там, в русских обителях, своя, родная стихия: богослужение на славянском, долгие беседы с насельниками и даже чай из самовара, а не турецкий кофе, переименованный в Греции в византийский.

Увы, по Божью попущению, русский Афон пережил в XX веке тяжелую драму, а недавнее пресечение русской жизни в Ильинском скиту ее усугубило.

Скит этот, знаменитый и тем, что он был основан великим старцем Паисием (Величковским), мне впервые довелось увидеть в июне 1992 года. Только увидеть, ибо внутрь попасть не удалось: дорогу преградил один из астиномов (полицейских), несущих службу на Афоне, заявив, что скит паломников не принимает и что никаких русских монахов там нет. Других разъяснений он не дал.

Их мне дали, с большой горечью, монахи Пантелеимонова монастыря. Оказалось, что в последние годы в Ильинском скиту спасалась горстка монахов, человек десять. В основном это были потомки эмигрантов «первой волны». Настоятельством в нем архимандрит Серафим, по происхождению — гуцул, по паспорту — гражданин США. Исторически сложилось так, что ильинцы считали себя входящими в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви (в то время как пантелеимоновские монахи кровно связаны с Московской Патриархией).

Они свято чтят память основателя своего скита, старца Паисия, и истово хранили его духовное наследство. Отец Иоанникий, например, обладая научными наклонностями, годами разыскивал в афонских обителях рукописи старца. Скит выступил зачинателем его канонизации как местночтимого святого, произошедшей в Нью-Йорке в 1981 году, за семь лет до его прославления в лике святых Московской Патриархией (добавлю, что старец канонизирован и Румынской Церковью — его святость подтверждена трижды!).

Не все в скиту шло гладко. Ильинцы подозрительно относились к пантелеимоновским монахам, прибывшим из Советской России, и даже не поддерживали с ними общения. Еще более непримиримы, что и послужило формальной причиной их изгнания, они были к Константинопольским Патриархам, которые, как известно, духовно возглавляют Афон. Скитники объявили себя зилотами, ревнителями, и отказались почитать Патриархов, обвинив их в вероотступничестве, главным образом из-за введения новоюлианского календарного стиля, а также в масонстве.

Афонские духовные власти до поры до времени терпели подобное «диссидентство». Но в мае 1992 года, когда о. Серафим исповедал свое зилотство перед посланцами Патриарха, ильинцам — их к тому времени оставалось всего четверо — дали сутки на сборы... В качестве официального обоснования изгнания, помимо непоминания Патриарха, было выдвинуто обвинение в нелегальном проживании на Святой Горе.

Враз опустевшую обитель заселили греческими монахами из монастыря Пантократор, на землях которого стоит скит. Заодно сменили и игумена Пантократора, годами покровительствовавшего ильинцам. Так закончи-

лась двухвековая история *русского* общежительного скита пророка Илии.

А началась она в 1757 году, когда старец Паисий (Величковский) испросил заброшенную постройку у Пантократора. Окруженный преданными учениками, он мечтал устроить здесь обитель на евангельских началах, прежде всего в виде общежития, киновии — той формы монашеской жизни, которая была к тому моменту уже забыта Афоном (сейчас все афонские монастыри — киновийные). Авва выстроил скит на пятнадцать монахов, полагая, что братия должна состоять не менее чем из двенадцати человек, по числу учеников Христа, но при этом не может быть очень большой. Именно в Ильинском скиту старец наладил сбор и перевод на русский язык святоотеческих писаний, впоследствии ставших настольной книгой благочестивых людей, знаменитым Добротолюбием.

Ильинский скит. 1997

Небывалое по тем временам благолепие обители притягивало к ней новых насельников, которых вскоре стало уже более шестидесяти. Для тогдашнего Афона, угнетенного турками, это было слишком много, слишком вызывающе, и в 1763 году старец, опасаясь преследований, ушел с братией в Молдавию, где продолжил свое славное подвижничество.

Ильинский скит, однако, сохранил собственное национальное своеобразие, общение с Россией и с годами рос и процветал. Для укрепления связи с родиной были устроены три подворья — в Таганроге, в Одессе и в казачьей станице Новониколаевке. В конце прошлого века иноки (а их уже насчитывалось триста) наладили прекрасное дело — выпуск регулярных «Афоно-Ильинских листков», одной из первых в нашей истории массовой литературы назидательно-просветительского характера.

Выросшая обитель стала страдать от притеснений так называемого господствующего монастыря, на земле которого обосновался старец Паисий. Пантократор, например, имел четыре тысячи десятин земли, а русский скит-богатырь — всего восемь десятин. Каждый год скит обязывался выплачивать за некое кириархическое право монастырцам подать — «с готовностью и благодарностью», как это было записано в омологии...

По заключенной с Пантократором омологии, ильинцы не имели даже права строить — все должно было оставаться как во времена незабвенного старца Паисия. Если, например, какое-то здание приходило в ветхость, то его можно было только подремонтировать, а не расширить. Гнет Пантократора иной раз принимал комические формы. По той же омологии, скит имел на берегу моря небольшую арсану, куда несколько раз в году приходили корабли с сеном, со съестными припасами и с

иным скарбом. При арсане ильинцы, однако, не имели своей земли — ни одной сажени. Во время выгрузки требовалось устроить сарай, что монастырь позволял делать, но с одним условием — по окончании оной немедленно ломать постройку. И вот ильинцы при подходе корабля строили сарай, а по его отплытию тотчас ломали — и так по несколько раз в год. Конфликт скитников с монастырцами дошел до самого Константинополя, и в начале XIX века Патриарх благоразумно (не без давления российских дипломатов) разрешил русской обители расти.

Сразу же после патриаршего хрисулу, в 1910 году, здесь был заложен, а в 1914 году освящен величественный кафоликон (собор) во имя св. Илии Пророка. В ярко выраженном русско-византийском стиле, он символизирует связь Русского Православия с Византией, с греческими святыми Отцами — то, к чему стремился преподобный Паисий.

...В 1995 году, спустя три года после первой неудачной попытки, я снова отправился в Ильинский скит.

Отец Филимон, привратник
Ильинского скита. 1997

У ворот меня встретил монах-привратник по имени Филимон. Встретил весьма радушно, воплощая собою само гостеприимство. По афонскому обычаю, он предложил мне с дороги стакан воды, рюмку раки (виноградной водки), сласти и попросил расписаться в книге посетителей. Я заглянул в ту часть, которая относилась к 1992 году, и обнаружил большой хронологический перерыв...

Затем отец Филимон повел меня по обители. Она выглядела образцово: все вычищено, подновлено, подкрашено. Я уже слышал на Афоне, что новый настоятель скита о. Иоаким прежде был капелланом (полковым священником) и умеет навести порядок.

Мы прошли в собор, и я приложился к местной святыне, чудотворному списку Тихвинской иконы Божией Матери. Рядом на аналое лежала икона святого Паисия, оставшаяся от русских ильинцев. На мой вопрос, существует ли греческая служба святому, о. Филимон ответил, что таковой нет и что память св. Паисия они не совершают. «Нам кажется, — пояснил монах, — что вся слава старца — там, в России, а здесь, на Афоне, мы знаем его мало». По просьбе своего сопровождающего я перевел некоторые церковно-славянские надписи в храме, непонятные нынешним насельникам.

СКИТ НОВАЯ ФИВАИДА

Паром с паломниками и туристами, обретшими визы на Афон, наконец отплыл от Уранополя. За кормой — суетливый мир, как называют святогорцы ту часть земного шара, что находится за пределами их полуострова.

Пассажиры — все, естественно, мужского пола, с рюкзаками, посохами и благопристойно одетые (никаких шорт, желательно длинные рукава) — жадно вглядываются в берег. Перед ними медленно и торжественно проходит панорама скалистых берегов. Вроде бы обычный греческий пейзаж, но что-то уже изменилось. Государственная граница между Афоном и миром превращается в метафизическую грань.

Паломники ждут первой встречи со Святогорьем, знаков монашеского делания. Проходит час навигации. Успокаиваются самые суетливые. И вот — первая встреча.

Она потрясает. Над берегом высятся заброшенные корпуса. Пустые глазницы окон, обвалившиеся купола. Мертвая обитель, точь-в-точь как некогда в глухой советской провинции. Там все было понятно, но почему здесь, на Афоне?

«Неас Фиваидас», — шепчут друг другу притихшие люди. «Россики скити», — добавляют искушенные посетители Святой Горы.

Да, это он, знаменитый (в прошлом) русский скит Новая Фиваида, где в период расцвета обитало около

Скит Новая Фиваида. 2000

трехсот монахов — раза в три больше, чем ныне в самом цветущем афонском монастыре.

Никто из плывущих на пароме никогда не посещал Новую Фиваиду — добраться туда почти невозможно, а если это каким-то чудом и произойдет, то на ночлег, за отсутствием хозяев, рассчитывать не приходится.

Когда-то все обстояло иначе.

Возникновение скита было связано с особенностями святогорского монашества. Все знают, что на Афоне испокон веков существуют великие монастыри, числом двадцать. Менее известно, что большинство афонцев, прежде и теперь, — это вовсе не монастырцы, а пустынники. В монастырях, где все почти по-армейски отлажено, всегда жилось в практическом смысле легче.

Однако инокам, расположенным к уединенному бытию, — сложнее. Они и уходили — в леса, в пещеры, на скалы Карули, в ущелье Капсалу, — дабы вконец отложиться от мира, присутствовавшего в больших монастырях, хотя бы из-за массового паломничества.

Отшельникам приходилось в поте лица добывать свой хлеб насущный: заниматься поделками, сбываемыми на базарах в столичной Карее, батрачить на богатые монастыри или же скитаться по Афону в поисках подаяния (последнюю категорию афонцев, ныне почти исчезнувшую, называли сиромахами).

Русский Пантелеимонов монастырь во второй половине XIX века переживал бурное возвышение. Долгое время им управляли греческие настоятели, но в 1875 году игуменом был поставлен наконец-то русский монах, о. Макарий (Сушкин). Всячески укрепляя свою обитель, он не мог не задуматься и о судьбе иноков-соотечественников, рассеянных по афонским пустыням.

Так родился замысел Новой Фиваиды. В самом названии заложен глубокий смысл. Фиваида — колыбель монашества, местность в Египте (близ Фив, отсюда и название), заселенная иноками на заре христианской эры. Жители Фиваиды обитали не в каком-нибудь могучем монастыре, а в отдельных хижинах, сохраняя тем самым полноту своего ухода из мира, из общества и даже общины. Они селились поодиночке или небольшими братствами близ источников, в пещерах, у заброшенных могил.

«Ступайте в Фиваиду, — восклицал позже св. Иоанн Златоуст, — вы найдете там пустыню прекраснее рая, тысячи хоров ангелов в человеческом образе, целые племена

мучеников... Там вы увидите адского тирана скованным, а Христа — славным и победоносным».

Игумен Макарий благословил русских пустынников обосноваться на территории, принадлежавшей «Пантелеймону». Земля эта расположена за многие километры от монастыря, «в четырех часах пути на лодке», как раньше мерили расстояние. Отшельников снабдили строительными материалами, крайне дорогими на Афоне, и гарантировали им в будущем помощь. Они могли жить сами по себе, в собственных хижинах (по-афонски — каливах), сохраняя свое строгое анахоретство, но при этом номинально включались в состав русского братства. Одновременно был построен особый корпус для больных и престарелых пантелеймоновцев, пожелавших удалиться от деятельной монастырской жизни и окончить свои дни в полном покое.

В 1883 году, спустя год после основания скита, здесь освятили первую церковь, куда фиваидцы сходились по праздникам и воскресным дням. Посвящение ее тоже было символичным — во имя преподобных Отцов Афонских. Тем самым насельникам напоминалось, что их высшее предназначение — приобщение к сонму их предшественников, угодников Божиих. Стекались бывшие пустынники, а нынче скитники, и на общую трапезу, для которой отстроили отдельный корпус (продовольствие тоже поступало из монастыря).

Вскоре появились и малые храмы, параклисы. Один из таких храмов, по обычаю «дочерних» обителей, принял посвящение «материнского» монастыря — во имя св. Великомученика и Целителя Пантелеимона (а также св. Артемия). Вторая церковь была посвящена Вознесению Господню, а третья, двухэтажная, на верхнем

ярусом имела алтарь в честь Пресвятой Троицы, на нижнем — во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Управлял Новой Фиваидой экононом, назначаемый монастырем.

Благолепное и тихое бытие нарушилось еще до русской смуты — когда на Афоне в 1912 году вспыхнула своя собственная смута. Все началось с книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа», где автор описывал личный молитвенный опыт, обращая особое внимание на мистическое содержание Имени Божия. Идеи автора, впоследствии осужденные духовными властями как еретические, овладели некоторыми святогорцами. Распространение учения о. Илариона, не подозревавшего, впрочем, что он стал его основоположником, началось именно в Новой Фиваиде, где некогда спасался и сам автор книги. Легко представить, что у анахоретов, вообще склонных к мистике, положение о том, что в «молитвенно призываемом Имени Божиим присутствует Сам Бог», нашло самый горячий отклик. Даже слишком горячий... Афонцы разделились, а по окончании смуты, когда имяславцы были удалены со Святой Горы, скит стал пустеть.

Началась Первая мировая война, а с ней — голод, и не только среди пустынников и скитников, но даже и монастырцев. Из оставшихся фиваидцев кто мог — переходил под более надежные крыши Пантелеимоновой обители, а кто нет — оставался в одиночестве в своих каливах.

В 1920-е годы курс греческого государства на эллинизацию Афона поставил препону пополнению русского монашества. Стал увядать и сам Пантелеимонов монастырь, что говорить о его дальних филиалах?

Братия скита Новая Фиваида. 2000

Старец Рафаил.
Скит Новая Фиваида. 2000

Пантелеймоновцы унесли из Новой Фиваиды что сумели, а остальное вверили открытому небу. Один знакомый монах рассказывал, что в начале 1980-х годов, по благословению монастырского священноначалия, им была совершена последняя экспедиция в Новую Фиваиду — ради спасения остатков прежнего убранства. С тех пор иноки там не показывались.

До 2000 года.

В том году посетителей Афона облетела весть: на Новой Фиваиде вновь — насельники!

Их привел туда старец Рафаил, принявший постриг в Валаамском монастыре. По духовному складу он — пустынный и избегает больших обителей. Первые годы своей афонской жизни о. Рафаил спасался в небольшой пустыньке (Предтеченской) болгарского Зографского монастыря. Вокруг него, как всегда бывает с духоносными старцами, собрались ученики. В пустыньке стало тесновато, да и болело сердце о. Рафаила за брошенную Фиваиду.

После переговоров с различного рода афонскими инстанциями старец со учениками вселился в Фиваиду и принялся за ее восстановление. Положение новой братии еще не вполне определено: нужно благословение Константинопольского Патриарха, духовной главы Афона, да и добрая воля тех, кто полагает, что пустынночество — это нарушение святогорской дисциплины.

В 2001 году собрание Кинота постановило выселить старца Рафаила за неимением вида на жительство, но он не ушел и спасается в одной небольшой келлии. Выдворить же старца не решаются даже самые жестоковейные его противники.

СКИТ КСИЛУРГУ

Афонский скит в честь Успения Богородицы, именуемый святогорцами, в том числе и эллинами, просто «Богородица», мало посещаем, несмотря на его великую святую — самый древний на нашей планете русский храм. Есть у него и другое название, греческое, ныне реже употребляемое, — скит Ксилургу, т. е. скит плотника: вероятно, здесь некогда жил какой-то русский умелец.

Быть может, подобная безвестность вызвана уединенным положением обители, стоящей вдали от паломнических троп. Нельзя сказать, что уж совсем укромно это место, но идущему в «Богородицу» в первый раз поискать дорогу придется. Типично русский силуэт — купол на высоком барабане — виден издалека, на подходе к великому Ильинскому скиту, создавая ложное впечатление близости. В действительности же между Ильинским и Богородичным скитами — ущелье, по которому ведет полузаросшая тропа.

Тем более радостно увидеть неожиданно открывающийся родной силуэт купола, выкрашенного зеленой краской (этой же краской покрыты кровли русского Пантелеимоновского монастыря). Путь к воротам обители проложен через пасеку, но пчелы тут редко видят людей и, не ожидая от путников никакого вреда, продолжают заниматься своими трудами. Гостеприимство пилигриму, Впрочем, не гарантировано: в скиту живет один-единственный насельник, схимонах Иаков, который может

Скит «Богородица» (Ксилургу). 1996

быть и в отлучке, а предупредить о визите невозможно — телефона здесь нет.

Если же «хозяин» дома, вас ждет самый сердечный прием: о. Иаков, как позднее выясняется, отшельничает невольно и искренне рад паломникам, тем более — из России. После знакомства, по афонской традиции, — поклонение святыням. Инок не скрывает своей гордости: соборная церковь его скита — действительно древнейший в мире русский храм, появившийся в начале XI века (до варварского сноса таковой являлась Десятинная церковь в Киеве).

Более того, Ксилургу — исходная точка русского монашества на Святой Горе. Именно здесь в XI веке впервые обосновалась горстка монахов из Древней Руси, которая к началу прошлого века выросла в могучее

Отец Иаков, настоятель скита «Богородица». 1997

пятитысячное братство, распространившееся по всему полуострову. А в начале нашего века братство опять превратилось в горстку хранителей былой богатой истории. И в «Богородице» места вполне хватило бы на полусотню монахов, но после знакомства с современным русским Афоном подобное запустение уже не удивляет.

Вторая церковь, по афонским понятиям, — новая, столетней давности, и посвящена она славянским апостолам, святым Кириллу и Мефодию Солунским. Ее убранство — высокий иконостас и красочные росписи — исполнили болгары, долгое время жившие в Ксилургу, по благословию Пантелеимоновского монастыря, которому скит подведомствен (на рубеже веков болгарских святогорцев, как и русских, было неизмеримо больше, и обитали они не только в своем Зографе).

Скит «Богородица». Самая древняя русская церковь. 1997

В третью церковь, во имя преподобного Иоанна Рыльского, заходить несколько боязно: с полвека тому назад ее раскололо землетрясение, и она в любой момент может упасть, однако средств на ремонт нет.

Под этой церковью устроен склеп, где почивают честные главы предшественников о. Иакова, закрытые решетчатой створкой («Чтобы мыши не лазили», — поясняет монах).

Удивительной оказалась его собственная келлия, вся уставленная разноформатными иконами — отшельник сносил их к себе из вымиравших русских обителей.

Рассказывает схимник и о себе. Иван Полянский (таково его мирское имя) родился в 1931 году на Алтае. Во время войны его семья перебралась в Алма-Ату, где Иван овладел столярным ремеслом и стал зарабатывать на

жизнь изготовлением мебели. К Богу юноша пришел через чтение Библии, и пришел самым радикальным образом, решив стать монахом. В 20 лет он принял постриг в знаменитой Глинской пустыни, а спустя другие 20 лет, в 1972 году, в группе пяти монахов был послан Московской Патриархией в Афонский Пантелеимоновский монастырь. После 1914 года эта была третья, с трудом разрешенная, «партия» иноков из России.

Игумен определил ему «узкое» место — Ксилургу, где доживали свой век два болгарских монаха, и вскоре о. Иаков остался один. Такое вот вышло послушание — хранить в одиночестве древнейшую русскую церковь и первоначальную русскую обитель на Афоне. Нельзя сказать, что монастырь совсем забыл своего инока: несколько раз ему присылали молодых послушников, но они не выдерживали убогой жизни в отдаленном скиту и уходили обратно в монастырь, где нет нужды ежедневно преодолевать самые насущные проблемы.

Лет десять назад о. Иаков принял великий ангельский образ, схиму, при этом ему было сохранено прежнее имя, но дан другой небесный покровитель. Схимник особо чтит одну икону, где изображены оба покровителя, «старый» и «новый»: апостолы Иаков Алфеев и Иаков Зеведеев.

С соседней русской обителью, знаменитым Ильинским скитом, основанным старцем Паисием Величковским, отношения сложились странные. Ильинскую обитель до недавнего времени занимала община монахов-зилотов, принадлежавшая к Зарубежной Церкви. Поскольку зилоты подозрительно относились к выходцам из СССР, то они не общались с о. Иаковым. После того как в 1992 году этих монахов за отказ подчиняться каноническому епископу Афона, Патриарху Константинопольскому, изгнали

со Святой Горы, новые ильинцы, греки, свели со схимником самые добрососедские отношения.

Дабы хоть как-то поддержать большое хозяйство, анахорет решил производить ладан. Раздобыть рецепт его изготовления оказалось непросто — монахи-эллины крепко хранили секреты ремесла. Но сделать это удалось, и теперь свое трудовое время он отдает ладанной мастерской: готовит массу, катает ее и режет, сушит и фасует. Даже во время нашей беседы старец, не желая упускать время, ловко лепит маленькие цилиндры, которые затем из лавки Пантелеимонова монастыря расходятся по всему православному миру.

Перед ладанной мастерской стоит звонница, и схимник охотно демонстрирует ее звучную мощь, радуясь и перезвонам, и редкому присутствию слушателя.

Посещение заканчивается. Паломник перед дорогой получает благословение скитонаачальника — таков, по святогорскому уставу, чин о. Иакова. Только вот под его началом из живых существ — одни лишь пчелы...

В 1999 году в скиту «Богородица» случился, попущением Божиим, разрушительный пожар. В отсутствие телефона о. Иаков пешком отправился за помощью в Карею, а это три-четыре часа пути... Впрочем, огненная стихия, сожрав несколько корпусов, не тронула ни одного храма.

В 2001 году престарелый скитонаачальник переселился в Пантелеимонов монастырь, а в Ксилургу обосновались несколько молодых иноков и послушников. Тогда же, с помощью реставраторов из Петербурга, началось возобновление древнейшей русской обители. Бог им в помощь!

КЕЛЛИЯ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

Как печально, когда в православном государстве, каковым официально считается Греция, рушится церковь. Без каких-либо бульдозеров и взрывчатки, как некогда в Советском Союзе, а так, падает сама по себе, забытая и оставленная людьми. Как печально, что богатейшее русское наследие на Афоне продолжает исчезать...

Конечно, можно найти тому исторические причины. Известные всему православному миру препятствия к пополнению русского монашества на Святой Горе, да и 70-летний богоборческий режим на родине привели к драматической статистике: пять тысяч русских афонцев в начале XX века и пятьдесят — в начале XXI века. Лишь Пантелеимоновский монастырь, не без помощи новых России и Украины, теперь в силах продолжать жизнь и даже отстраиваться. Остальные же русские обители — скиты, келлии, каливы — мало-помалу вымерли или же эллинизировались.

Быть может, если бы погибшая келлия св. Иоанна Богослова стояла на земле какого-нибудь греческого «материнского» монастыря, ее ждала бы более достойная участь. Обитель, однако, находилась в пределах сербского Хиландаря, который и сам переживает не самый блестящий период своей истории. Сербы-афонцы некогда охотно предоставляли свои земли русским монахам, зная, что те приведут в цветущий вид самые убогие уголки. Когда же русский Афон стал угасать, опустевшие

Руины Иоанно-Богословской келлии. 1997

обители использовались соседями как даровые источники церковной утвари и стройматериалов.

Так и братские корпуса довольно-таки большой Иоанно-Богословской обители были уже давно разобраны, однако церковь никто не трогал: по афонским традициям это строго возбраняется. Храм был небольшим, но его зеленая изящная маковка на высоком барабане всегда являлась украшением окрестности Кареи, столицы Афона. Стоял он минутах в двадцати от этого политического центра Святой Горы, на крутом склоне над Андреевским скитом, и путники, направлявшиеся из Кареи к дальним монастырям на северном побережье полуострова, почти неизменно проходили мимо его стен.

И мне доводилось часто подходить к этой церкви, иногда для того лишь, чтобы полюбоваться родным

силуэтом маковки с осьмиконечным крестом на фоне расстилавшейся внизу средиземноморской зелени и эгейской синевы. Не раз собирался ее сфотографировать, но всегда что-то мешало: то забывал камеру, то хотел пройти налегке, без тяжелого «Зенита». В тот приезд, летом 1997 года, вооруженный фотоаппаратом, я вышел к знакомому холму, повернул на проторенную дорожку и остолбенел от непривычной пустоты. Может, ошибся, не туда попал? Но груды камней и обломки от маковки, рассыпавшиеся внизу по склону, безжалостно свидетельствовали: здесь стоял Божий храм. Яркое палило солнце, щебетали птицы, зеленела листва, — но мнилось, что на Святой Горе появилась кровавая рана.

Пора сказать несколько слов об истории исчезнувшей с лица земли обители. Она имела статус келлии, что на Афоне обычно соответствует крупному монашескому учреждению (непреренно с церковью), однако по статусу келлии — ниже двадцати «господствующих» монастырей, а также скитов. Основал Иоанно-Богословскую келлию в XII веке знаменитый святитель Савва Сербский. Когда в 1896 году русский старец иеромонах Герасим и его ученики получили разрешение ее занять, обитель находилась в совершенно запущенном виде, и новой братии пришлось потратить немало трудов на возобновление ее из развалин. Работы по строительству храма начались в 1897 году, а его освящение совершилось 8 мая 1902 года, в престольный праздник, — так что пяти лет не дожидая церковь до своего столетия. В следующие годы о. Герасим возвел большой четырехэтажный корпус, главное помещение которого было отведено под больницу для афонитов, чем возрожденная обитель снискала заслуженную популярность. Вскоре появились новые постройки с трапезной на 250 (!) человек, кладовыми,

братскими и паломническими помещениями. Литератор А. А. Павловский, автор путеводителя по Афону 1913 года, в таких выражениях описывал эту келлию: «При массе цветущей зелени и весной и летом обитель имеет очень восхитительный вид». И далее: «Обитель похожа на крепость, как бы висящую в воздухе» (имелось в виду ее расположение на склоне горы). Настолько жизнедеятельна была эта келлия, по существу являвшаяся цветущим монастырем, что ею была устроена в Пятигорске, у подножия горы Бештау приписная обитель, под названием Второ-Афонский Успенский монастырь. Как и Ново-Афонский, он славился на Кавказе своим святогорским духом и дал России многих подвижников, а в эпоху гонений — исповедников.

Теперь все это — дела минувших дней, и паломник, взбирающийся здесь по афонской круче, больше не перекрестится при виде главки с осьмиконечным «русским» крестом.

МОНАСТЫРИ ЗОГРАФ И ХИЛАНДАРЬ

Национальность для Афона — дело второстепенное: в этой удивительной монашеской республике за ее тысячелетнюю историю сплелись воедино молитвенные подвиги самых различных наций — греков, славян, грузин, румын, и образовалась нация новая, афонцы. Но по нашей немощи, по незнанию греческого, по привязанности к родине мы, русские паломники, тянемся в первую очередь к Пантелеимоновскому монастырю. А во вторую — к двум другим славянским монастырям, Хиландарю и Зографу, рассчитывая там на особую теплоту и сердечность. Что и находим.

Два этих монастыря имели и имеют особую судьбу, на которой отразилась многовековая история взаимоотношений греческого и славянского миров. Славяне двинулись на юг Европы в эпоху великого переселения народов, и нельзя сказать, что тогдашние греки встретили пришельцев хлебом-солью. Часть славян ассимилировалась, внося свой вклад в генофонд современных эллинов и в топонимию Греции (славянские топонимы встречаются даже на Пелопоннесе). Другая часть, включая наших пращуров, вела активные боевые действия с византийцами. Особенно много проблем у Второго Рима было с сильным болгарским царством, а один из византийских императоров получил ужасное прозвание Болгаробойца. Впрочем, Византия умела включать в свой состав, или по крайней мере в свою орбиту, разноплеменные народы. И мы, конечно, никогда не

Болгарский монастырь Зограф. 1999

забываем, что именно от нее получили свое главное духовное сокровище — Православие.

В красивейшем болгарском Зографском монастыре, отстроенном почти заново в конце позапрошлого века для двухсотенного братства, сейчас обитает около десятка иноков. Обитель — ближайшая к Уранополю, к границе Афона с миром. У ее причала корабль с паломниками делает вторую, после хиландарской арсаны, остановку. На причал обычно никто не сходит: пилигримы-греки не останавливаются в Зографе, хотя имеют на это полное право, и плывут дальше, в благоустроенные греческие монастыри.

Получасовой подъем в гору приводит в чудную ложину, где и высится Зограф, самое имя которого порой трактуют как «живописный». Основан он был в честь

св. Георгия Победоносца в XI веке тремя братьями-болгарами и испокон веков считал Россию защитницей и покровительницей. В монастыре, несмотря на его нынешнюю бедность, ведутся восстановительные работы, поэтому первым, по всей вероятности, вас встретит рабочий-болгарин, который, без затруднения перейдя на русский, с готовностью ответит к отцу-гостиннику. Мой спутник рассказал, что работает в Зографе уже год, но, так как греки туристическую визу дают только на месяц, а потом сурово штрафуют, он раз в тридцать дней ездит в Болгарию, отмечается на границе — и обратно. В странноприимнице, несмотря на летний наплыв паломников на Афон, пусто. Один из монахов взялся сопроводить по обители.

В просторном монастырском дворе — два храма. В малом — чудотворная икона Божией Матери «Акафистная», история которой, изложенная по церковнославянски на мраморной доске в притворе, читается без затруднений. В соборном храме, кафоликоне, — три чудотворные иконы св. Георгия. Самая чтимая из них приплыла на Святую Гору по морю, и монахи, возложив ее на дикого мула, решили отдать икону тому монастырю, к которому животное приведет. Мул взобрался на холм напротив Зографа; теперь здесь стоит в память об этом событии храм, куда ежегодно на Юрьев день идет крестный ход. Всего же в Зографе двадцать две церкви — по две на монаха.

По афонским правилам, паломник может жить в монастыре одну ночь. В болгарском же проблем со свободными помещениями нет — живи хоть всю жизнь. Богослужение к тому же родное, славянское, хотя его восточный распев нашему слуху кажется немного монотонным.

От болгар к сербам проложена тропа. Она переваливает через хребет, минуя различные климатические

Внутренний двор З

области, разветвляясь и принимая разнообразные формы: от мощеной дорожки до узкого, в одну ступню, желоба. Пройдя первоначальный этап пути, через некоторое время я вышел... опять к Зографу, только не с западной, как раньше, а с восточной стороны, не менее живописной. Говорят, что между монастырями два часа ходу, но это для тех, кто ходит ежедневно. Мне пришлось идти, сбиваясь с магистрали, часа четыре. Впрочем, благодатное присутствие Ангела-хранителя чувствовалось всегда: когда я по причине одичания местности начинал сомневаться, бывают ли здесь люди вообще, мне попадалась в утешение пустая банка из-под кока-колы, а когда по профсоюзному монастырю 1990-х двух часов я вознамерился увидеть сербский монастырь, мне тут же попался прибитый к дереву указатель «Хиландарь». Это была, однако, лишь середина пути.

Монастырь Хиландарь. 1999

Изможденный солнцепеком, я наконец прошел сквозь Святые врата обители, не заметив даже указатель к архондарикау — странноприимнице, куда полагается поначалу идти паломнику. Ангел-хранитель повел меня к трапезной, где два послушника накрывали на стол. «Русский? Из Петербурга? Как там у вас Валаам?» Я был вполне вознагражден теплой встречей. Послушники налили мне добрую чашу вина: «Вообще-то у нас угощают с дороги в архондарике, но русским можно везде».

Архондаричный отец Василий, отведав в комнату, действительно не замедлил с угощением и доброй беседой. В ней прозвучала, правда, горькая нота: о. Василий скорбел о том, что российское правительство, по его мнению, порой изменяет вековой дружбе с сербами.

Залы и коридоры архондарика сплошь завешаны портретами героев сербского освободительного движения.

Скит Старый Руссик, первоначальная обитель сербского святителя Саввы. 2000

Я внимательно осмотрел эту своеобразную галерею, не найдя, к своему стыду, ни одного знакомого имени. Странно, но героев Войны за независимость далеких Североамериканских штатов я знал лучше.

В толстенной книге посетителей монастыря оставило свои записи, кажется, пол-Сербии. Для сербов Хиландарь — великая национальная святыня, которую они титулуют Лаврой. Она связана с именами двух самых чтимых сербских святых — св. Саввы и св. Симеона. Святитель Савва (в миру княжич Растько), из царского рода Неманичей, отказавшись от престола, ушел на Афон и принял постриг в обители, называемой сейчас Старый Руссик (на землях русского Пантелеимоновского монастыря). Домовую церковь Старого Руссика, где сейчас живет один-единственный пантелеимоновец, сербы недавно по-братски восстановили. Перейдя в Хиландарь,

Сербский святогорец
Стефан. 2000

св. Савва вскоре принял своего отца, великого жупана Стефана Неманя, ставшего в иночестве Симеоном. Мироточивые мощи св. Симеона были впоследствии перенесены в Сербию, а св. Савва недавно удостоился сооружения в свою честь в Белграде величественного храма.

Среди кратких записей выделялись два больших многостраничных рассказа. Один из них, написанный нашим соотечественником, благо разумно указавшим только личное имя, повествовал о том, как автор получил отказ в афонской визе: ему, как священнику, нужно было дополнительное благословение из Константинополя. Хорошень-

ко помолвившись, он пересек границу нелегально, заблудился и плутал весь день, сбив ноги в кровь. Хиландарские монахи, напоив его обильно чаем (это важная деталь, так как греки пьют исключительно кофе), дали на несколько дней самый сердечный прием.

Другой рассказ, сербского паломника, был посвящен печальному случаю. Два друга, преодолев долгий путь по солнцепеку, достигнув монастыря, присоединились к монастырской трапезе. Друг рассказчика во время трапезы упал замертво: его сразил солнечный удар... Не облегчилась ли его посмертная участь кончиной на Афоне?

Чтение рассказов странников (письменный сербский воспринимался много легче устного) было прервано ударами деревянного била, звавшего на службу. Пос-

ле службы иноки и паломники приложились к знаменитой святыне — чудотворной иконе Божией Матери «Троеручица», названной так в память отсеченной руки св. Иоанна Дамаскина. Образ был помещен на необычном месте — в кресле игумена. Монахи затем пояснили, что считают «Троеручицу» игуменьей Хиландаря, а реального главу братии — как бы исполняющим обязанности. Другая реликвия собора — рака на месте первоначального погребения св. Симеона Мироточивого.

Икона Божией Матери
«Троеручица»

Обойдя храмы, я рассмотрел их убранство. Заинтересовавшись богослужебными книгами, обнаружил, что старые книги были в основном печати Киево-Печерской Лавры, а поновее — русского Джорданвильского монастыря в штате Нью-Йорк. На богатых ризах там и сям стояли дарственные надписи на русском.

На следующее утро я покинул гостеприимных братьев, в духовном и кровном смысле. У Святых врат монах-серб, прощаясь, сказал мне почти по-стольпински: «Нам нужна сильная Россия».

ЭСФИГМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Под лозунгом «Православие или смерть» Эсфигменский монастырь войдет в историю. Такая заостренная формула не может не возбудить интерес: а кто же именно и почему угрожает православной жизни святогорцев?

В книге, где посетители монастыря оставляют свои впечатления (некая книга отзывов), лозунг стал лейтмотивом, проходящим через все паломнические тексты. Кто к нему безоговорочно присоединяется, переписывая его гигантскими буквами с восклицательными знаками, кто варьирует, сочиняя собственные крылатые фразы типа «Православие или масонство», а кто и ополчается на насельников, обвиняя их в лицемерии и истеричности.

Добраться до бунтующего монастыря не так просто, хотя он и расположен неподалеку от афонской границы. Дело в том, что стоит он на северо-восточном берегу полуострова, у открытого моря, малейшее волнение которого парализует навигацию. Поэтому пилигримы плывут на Святую Гору с юго-западной, надежной, стороны. Раз и я прождал все утро корабль, который так и не пришел: был потерян драгоценный день паломничества. Тем летом я все-таки сподобился сесть на уютное суденышко с горсткой других паломников. Экипаж судна состоял из двух человек: капитана в белоснежном кителе и помощника, для контраста разухабистого и небрежного.

Через час пути катер свернул в уютную бухту, в центре которой высилось крепостного облика сооружение.

Монастырь Эсфигмен. 1999

На суровой стене висел знаменитый транспарант, а на дозорном пирге — три флага. Два традиционных (греческий сине-белый и желтый церковный, с византийским орлом) и один, поднятый эсфигменцами по собственному почину: на зловещем черном фоне — белый крест.

Встретили насельники по-афонски радушно — угостили кофе и сладями, выделили комнату, а узнав, что я — русский, познакомили с русскоговорящим собратом. Схимонах Антоний на ближайшие дни стал и добрым собеседником, и «экскурсоводом», объяснившим в деталях значение эсфигменского лозунга.

...Как известно, в начале 1920-х годов Константинопольский Патриарх провел календарную реформу, приняв так называемый новоюлианский стиль, на который

перешло подавляющее большинство Поместных Церквей (православная пасхалия, т. е. круг подвижных праздников, осталась неприкосновенной). Греция болезненно пережила переход жизни на новый стиль. Возник раскол, и часть греков организовала свою старостильную Церковь, увы, канонически оторванную от Вселенского Православия.

Афонские монастыри, как верные стражи традиций, решительно отказались от нового стиля, и в Элладе сложилась удивительная ситуация: на большей части территории страны старостильники отделены от Православной Церкви, а на афонском полуострове эти же самые старостильники (т. е. афонские монахи) — ее прочные столпы. Более того, нескончаемые паломники-новостильники на Афоне переводят свой календарь назад и на время своего паломничества становятся старостильниками.

В 1936 году эсфигменцы, уверовавшие, что за спиной Патриарха-новостильника стоят злые силы, перестали поминать его за ежедневной литургией, но не порвали с ним вполне и раз в год, на Вознесение, в престольный праздник, все-таки возглашали за ектенией его имя. В 1970-х годах братия пополнилась целой группой монахов из старостильной Церкви, под влиянием которых решено было разорвать евхаристическое общение как с Патриархом, так и с остальными афонскими обителями. Тогда и появился знаменитый лозунг на стене. С тех пор Афонское сообщество, по существу, состоит не из 20 монастырей, как об этом пишут путеводители, а из 19. Хоть насельники всех этих остальных обителей и старостильники, эсфигменцы не полагают их вполне серьезными, т. к. выросли они в новостильной традиции и Рождество празднуют дважды: сперва поздравляют свои

семьи в миру, а через тринадцать дней празднуют на Святой Горе.

Ревнителю истинного старого стиля усвоили себе название зилоты (что, собственно, и означает «ревнитель»). Зилотами объявили себя и монахи Ильинского русского скита, поплатившиеся за это изгнанием со Святой Горы. Эсфигмен же власти тронуть не решаются: насельников почти с полсотни, и они греки, а не чужестранцы. Монастырь, отказавшись от признания духовной власти Константинополя, последовательно отказывается от всех видов официальной помощи и субсидий. По афонским меркам живет бедно, без электричества и современных удобств, которыми обзавелись остальные святогорцы.

Признаюсь, что я полюбил монастырь и наигостеприимнейших монахов (даже странно, что они живут под черным флагом), но их девиз мне показался чрезмерно вызывающим, не соответствующим понятиям о монашеском смирении и кротости. Можно ли себе представить живущим под таким транспарантом преподобного Нила Сорского, гонимого «стяжателями», или преподобного Серафима Саровского, поминавшего тогдашний Св. Синод протестантского уклона? И почему «смерть»? Кто покушается на их жизнь?

Однако эсфигменцы, как всякие радикалы, утверждают в нашем сознании серьезность календарной проблемы. Если уж жить по старому стилю — то всерьез! Что делать, например, с Новым годом, когда посреди Рождественского поста народ пьет шампанское? И вообще, догматический это вопрос или нет? (Напомню, что речь не идет о праздновании Пасхи: Воскресение Христово новостильники и старостильники празднуют вместе). Кризис календарной проблемы еще впереди, через век, когда к уже привычной для русских разнице

в тринадцать дней надо будет приплюсовывать еще один, и Рождество праздновать не седьмого, а восьмого января нового стиля. А в дальней перспективе потомки наши будут праздновать Рождество летом...

В упоительных беседах о календаре шло время, иконой которого и называют календарь. Отец Антоний, имея послушание портного, стрекотал швейной машинкой, в перерывах угощая кофе и показывая редкие книги из своей келейной библиотеки. В конце рабочего дня мы отправились к церквушке, стоящей над бухтой. Под ней в скале вырыта пещера, откуда, вероятно, пошло русское монашество: здесь, по преданию, спасался преподобный Антоний Киево-Печерский. Отсюда он привез для обители, устроенной впервые на *русской* земле, благословение Афонской Горы, и этим благословением, почерпнутым в Эсфигмене, живет уже тысячу лет наше иночество. В середине XIX века на пожертвования из России афонцы поставили над пещерой церковь с русским иконостасом, посвятив ее, естественно, преподобному Антонию, которого тут, кстати, патриотически титулуют святым Антонием Эсфигменским.

Мой спутник в миру был Андреем, пришел на Афон из Русской Церкви, поэтому при пострижении он не мог не стать Антонием. Впрочем, его мирское имя правильнее — Эндрю, ибо он австралиец ирландского происхождения и, как полагается ирландцу, отчаянно рыж и задирист. К Православию, а точнее — в Русскую Зарубежную Церковь, привела его австралийка, эмигрантка из России. В храме Божиим Эндрю выучил русский, с обилием церковнославянизмов, естественно. Россию, русских любит бесконечно, как получивший от нас новую жизнь. Афонский постриженник, он раз побывал на «исторической» родине, навестил семью, которая

разглядывала чернеца, как гостя с луны. Впрочем, и ему австралийские родные показались «жителями другой планеты».

Если вы, Бог даст, попадете на Афон не морем, а пешеходной тропинке, скажем, из Хиландарской сербской Лавры или из Ватопеда, то остановитесь у Святых врат Эсфигмена и посмотрите на балкон, прилепившийся справа. Если там стрекочет машинка, смело приветствуйте по-русски: «Благословите, отец Антоний!»

В одно утро на причал Эсфигмена спрыгнул крепкий грек в черной повязке на голове и, упираясь так, что на бетоне, должно быть, остались следы его босых ступней, подтащил паломничий катер. Перепрыгнув через борт, мы отплыли. По различным признакам я стал вычислять окно моей кельи, откуда не раз любовался восходом солнца над Эгейским морем. Прямо под моим окном был прикреплен транспарант: «Православие или смерть»...

Весной 2003 года православный мир облетела весть: Константинопольский Патриархат решил-таки на изгнание диссидентов и выселил их с Афона с полицией. Они не сдавались долго, лозунг обязывал!

Симонопетровский монастырь. 2000

СИМОНОПЕТРОВСКИЙ СИНАКСАРЬ

В зарубежных православных храмах всегда интересны иконы с ликами неведомых в России святых. Навсегда запомнились мне увиденные в церкви под Лиссабоном (кстати, географически самой западной из православных церквей в Европе) средиземноморские лики местночтимых угодников со жгучими, под самые глаза, бородами и странными португальскими именами, выписанными византийской вязью. Особенно врезался в память воинственный облик св. благоверного Нуно, полководца, бившегося в VIII веке на Иберийском полуострове с маврами.

Я столкнулся с европейской святостью как паломник, но в полной мере соприкоснуться с западным культом святых пришлось моим соотечественникам поневоле, во время Великого Исхода. Во Франции они, например, открыли и приняли почитание св. Генофевы (Женевьевы), покровительницы Парижа, в англоязычных странах — св. Патрика, крестителя Ирландии. Православные общины стали по своему почину включать в календари местных угодников. Одним из первых, кто глубоко осознал эту агиологическую задачу, стал святитель Иоанн (Максимович), написавший трактат о западных святых, чтимых в русской диаспоре.

Думалось: неужели никто в православном мире не проникнется благочестивой целью собрать воедино эти драгоценные имена и жития? Ведь святые — это соль

земли, земные ангелы и небесные человеки. Можно представить мою радость, когда в одной из современных греческих книг о канонизации я вычитал, что такой труд ведется, и ведется святогорцем, иеромонахом Макарием.

Познакомиться с насельником Симонопетровского монастыря оказалось несложно. В одно из посещений Афона мы встретились, а позже вступили в переписку. Выяснилось, что дело у о. Макария было много шире — ему было дано послушание составить на западноевропейском, а именно французском, языке современный Синаксарь, то есть месяцеслов в порядке литургического календаря. Французский язык был выбран не случайно, ибо о. Макарий — француз, и некогда его звали Жераром, а вот агиологом он стал помимо своей воли: так решил игумен.

Послушание началось лет двадцать назад: на краткий очерк об одном святом уходил день, о другом — месяц. В основание работы лег Константинопольский Синаксарь, к которому были привлечены новейшие источники — «Жития святых» о. Иустина (Поповича), Святцы и календари Поместных Церквей, благо Афон — международная столица Православия и в представителях разных наций недостатка нет.

Что касается западных святых, то о. Макарий очень осторожно, чаще всего на основании уже установившихся почитаний среди православных, включал в свой Синаксарь самые великие имена. Причем останавливался он не у 1054 года — официальной даты так называемого разделения Церквей, — а много раньше: на IX веке. Пользовался инок при этом и обильной католической агиологией, в том числе и исследованиями болландистов, членов любопытного монашеского ордена, которые уже несколько веков собирают и публикуют материалы исключительно о святых. Только вот, как рассказал

о. Макарий, принципы и результаты таких изысканий оказались очень разными.

Болландисты, со свойственной на Западе рассудочностью, установили строгий, так называемый исторический метод: если найдены древние документы о святом, значит, был такой. Если же не найдены — значит, и не было его. При этом самый главный показатель святости — чудеса — не учитывался вовсе, как неисторический. И вот в результате многовековых поисков обнаружилось, что нет архивных документов ни о св. Георгии Победоносце, ни о св. Екатерине Великомученице, ни о многих других великих угодниках. Католическая же Церковь, на основании докладов своих агиологов, взяла и исключила из святцев чтимые всеми имена. Парадоксальный результат, вздыхал сокрушенно о. Макарий, — взялись укрепить культ святых, а в результате ему навредили.

Вот таким образом, составляя Синаксарь, афонский агиолог попутно решал — действительно впервые в истории Православия — задачу сведения воедино святых всех Поместных Сестер-Церквей, что было благословлено Вселенским Патриархом. Труд, в конце 1980-х годов шедший к завершению, неожиданно продолжился: Русская и другие Восточноевропейские Церкви, сбросившие иго государственного атеизма, стали канонически утверждать уже существовавшие в народе почитания многих мучеников и подвижников.

С радостью рассказывал о. Макарий о своем необычайном послушании: изучение подвигов святых укрепляло и наставляло его самого.

В середине 1996 года вышел последний, шестой том нового Синаксаря. В него вошли дополнения, исправления и общий указатель — 3911 имен. Пожалуй, впервые

названо общее число православных святых. Мы должны, конечно, говорить, что это число *нам* известных святых. Весь Синаксарь ведом одному лишь Богу. Церковь это знает и раз в году совершает память *всех* святых, ведомых и неведомых.

Шеститомный Симонопетров синаксарь оказался для православного мира полным совсем ненадолго. В 2000 году Русская Церковь причислила к лику святых мучеников и исповедников почти тысячу угодников Божиих. Послушание о. Макария будет длиться – пока длится его жизнь на Афоне и святость людей.

КОНЧИНА НА АФОНЕ

«Он уже на небесах, а нам здесь мучиться», — говорят часто монахи на похоронах.

Сами похороны и последующая эксгумация останков составляют характерную афонскую особенность.

Над почившим читают Псалтирь, совершают последнее целование, а настоятель обители произносит разрешительную молитву. Тело усопшего, обвитое мантией, без гроба (тела тут буквально *предаются земле*) покоится на братском кладбище в течение трех лет, после чего останки изымаются из могилы и переносятся в костницу. Подобные усыпальницы имеет каждая святогорская обитель, причем русские склепы отличаются образцовым порядком, почти домашним уютом.

При открытии могилы монахи уделяют особое внимание цвету костей: белый цвет для них означает, что инок спасен, желтый — что он особо угодил Господу, черный (темный) — что душа почившего отягощена грехами и требует усиленных за нее молитв. Особую тревогу вызывает загробное состояние монаха, тело которого за три года не разложилось («земля не приняла») и которого вновь приходится хоронить.

Кладбища и усыпальницы всегда располагаются, следуя типикону, за монастырской оградой. Таков был и античный санитарный принцип «extramuros», т. е. устройство кладбищ за городскими стенами. Исключение на Афоне составляли захоронения членов византийского императорского дома и основателей обителей, которых погребали близ церковных стен.

Глава русского инока
в костнице Ильинского
скита. 1997

Участки для братских кладбищ всегда выбирались в местах, удаленных от оживленных паломнических маршрутов. Обычно они засаживались кипарисами — траурным для средиземноморской культуры деревом.

Стандартные кресты на могилах снабжались табличками. Их содержание затем переносилось отцом-гробокопателем на черепа (в греческих усыпальницах, кстати, надписи на черепах встречаются редко). Одни и те же кресты использовались неоднократно. Более того, даже таблички при очередном погребении иной раз записывались поверху или на оборотной стороне — такова монашеская экономия.

Пока тела монахов лежат на кладбище, их имена поминаются на проскомидии ежедневно. По перенесении останков в усыпальницу имена из заупокойных синодиков кладбищенских церквей вычеркиваются, с записью: «Срок кончился такого-то числа».

Сохранилось описание похорон настоятеля Андреевского скита архимандрита Иосифа (в 1908 году): «Тело покойного принесли к приготовленной для него могиле, у алтаря Покровского параклиса. Могила заблаговременно была освящена по чину церковному, окроплена святою водою и усыпана вся благоухающими цветами, водружен был большой кипарисовый крест с неугасимой при нем лампадою, а братия тотчас усадила весь могильный холм живыми цветами и возложила на могилу боль-

Костница Андреевского скита. 1997

шой венок из зелени и цветов». Через три года останки настоятеля так же торжественно перенесли в костницу.

Костница Андреевского скита — одна из самых интересных на Афоне. Она представляет из себя два просторных зала, соединенных коротким переходом. В первом хранятся останки монахов и послушников, во втором — «посторонних лиц», т. е. монахов-отшельников, рабочих (их называли искаженным греческим словом аргат), паломников (поклонников), сиромах (странников-афонцев).

В первом зале, как и всегда в афонских усыпальницах, черепа расставлены на полках (при погребении иноки особенно заботятся о сохранении глав почивших, обкладывая их каменными плитами), а кости составлены в общую, необыкновенно аккуратную грудку. Мелкие косточки сложены в подполье.

Даже тут соблюдена определенная иерархия: главы настоятелей и ктиторов хранятся в отдельном киоте, над которым водружен список главной скитской святыни — Богородичной иконы «В скорбех и печалех утешение». В отдельном большом киоте — глава схимонаха Иннокентия (Сибирякова), завещавшего скиту свое миллионное состояние.

На одной стене прикреплено стихотворение, написанное от руки:

Прииди о Христе всякий брат:
Мы ему каждый рад.
За нас положит поклон,
В день молитвы услышан будет он.
Отцы и братия, просим вас,
В молитвах поминайте нас.
Господь видит любовь вашу —
Не оставит вас!
Помни всякий брат:
Что мы были, как вы,
И вы будете, как мы.

На другой — еще одно меланхолическое стихотворение, под названием «И мы будем такими»:

Люблю бывать по временам,
Где скрыта тайна жизни нашей,
Где, может быть, и сам
Вслед за испитой смертной чашей...
Здесь я минуты провожу,
Томим уныньем неисцельно.
И здесь отраду нахожу,
Когда душа скорбит смертельно.
Смолкает тут житейский шум
И, вместо мыслей горделивых,

Приходит ряд суровых дум,
 Судей нелестных справедливых.
 Передо мной убогий храм
 Наполнен мертвыми костями.
 Они свидетельствуют нам,
 Что мы такими ж будем сами.
 Немного лет тому назад,
 Где жили те земные гости,
 И, вот, ушли они в «свой град»,
 Оставив нам лишь эти кости.
 Не в силах были и они
 Владеть собой в иную пору;
 И между ними, как людьми,
 Бывали ссоры из-за сору!
 Теперь довольные судьбой,
 Лежат, друг другу не мешая;
 Они не спорят меж собой,
 Своя ли полка иль чужая.

Рядом со стихотворениями на стене вывешены вериги (цепи, гири, тяжелые кресты), образующие нечто вроде монашеского музея.

Порядок тут настолько образцовый, что вслед за писателем Борисом Зайцевым, посетившим эту усыпальницу в 1926 году, невольно ждешь старичка-«смертиотекаря», составляющего каталоги, биографии и выдающего справки об усопших. В новой общине, недавно вселившейся в скит, есть два русских послушника, занявшихся регистрацией надписей на главах их предшественников. Не быть ли одному из них подобным «смертиотекарем»?

КАРЕЯ

Карейя — единственный город на Афоне и его столица. Здесь расположено местное правительство, Протат, учреждение, призванное вершить судьбы святогорцев, определять их внутренние отношения и их отношения с миром. Члены Протата избираются из представителей двадцати «господствующих» монастырей (сейчас, после откола Эсфигмена, их стало девятнадцать) и после избрания титулуются антипросопами, или протатцами.

Нет в мире другого такого оригинального городка, как Карейя. В нем всего одна главная улица, кругом — несколько переулков. Центр занят старинным Успенским собором. В горнем месте его алтаря хранится чудотворная икона Божией Матери «Достойно Есть». Собор этот принадлежит всему Афону, и службы в нем исполняются назначаемыми Протатом священниками.

По всему главному «проспекту» — мастерские, кофейни, лавки с изделиями, производимыми афонитами для поддержания своего скудного иноческого быта.

Вокруг раскинуты конаки, где живут «дипломаты» от монастырей, члены Протата. В каждом конаке — а их девятнадцать (Кутлумуш стоит так близко от Кареи, что из экономии конак не содержит) — имеется церковь и несколько человек братии. Есть, конечно, и конак «Пантелеймона», куда заглядывают русские паломники.

В первое мое посещение Афона антипросопом был иеромонах Николай, тепло меня принявший. Помню, как

Здание Протата, афонского правительства (слева)
и Успенский собор. 1996

после беседы он взял внушительный портфель: «Пора в Протат, на работу».

...В Карее сосредоточена вся внешняя деятельность Афона. Прежде каждую субботу сюда, из сел вне Святой Горы, приезжали миряне с продажей различных товаров, а пустынножители приносили свои рукоделия, нередко весьма замечательные по искусству и чистоте отделки: резные крестики, иконы, ложки. На вырученные средства пустынножители покупали себе хлеб и прочие припасы.

Именно тут, в столице «монашеской республики», с дипломатическими представительствами монастырей, с резиденцией Протата, яснее отдаешь себе отчет в сложном государственном устройстве святогорского государства.

На афонской земле имеются двадцать монастырей, шестнадцать скитов и около семисот келлий и калив. Следует разъяснить разницу между этими иноческими учреждениями. Монастырь — это штатное учреждение, полновластный хозяин одной двадцатой части полуострова и всех строений на ней. Все остальные обители являются приписными к монастырям. Скит имеет свободы действий чуть более, келлия — менее. Калива — самая мелкая «структура», у нее даже своей церкви нет. Обычно это избушка, где и живут каливиты, по большей части — ремесленники. В праздничные дни они ходят в ближайшие скитские или келлиотские храмы. Кроме того, существовали кавиоты, т. е. монахи-квартиранты, а также сирوماхи, бездомовники, нищие «перекати-поле», жившие где придется.

Разномастные обители возвышались и падали, развивались и хирели, в зависимости от внутренних причин и от политических перемен в государствах, которым в разные эпохи принадлежал Афон. Главнейшими вехами в истории Святой Горы были занятие крестоносцами Константинополя, насильственное принятие афонцами римско-католического вероисповедания (XIII век) и падение Византийской империи (святогорцы в тот момент избежали разгрома, заявив о своей лояльности султану). Немало происходило и других драматических событий: набеги мавров и каталонцев, землетрясения, карательные экспедиции османского правительства.

В седой древности на Афоне иерархии обителей не существовало. Иноки тогда были все равны, как это и должно быть. Они повиновались своим старцам, для общего руководства избиравшим из своей среды главного начальника Святой Горы, прота. Ему вверялся «руль» и

Главная улица в Карее. 1996

право разбирать недоразумения. Действовал и общий монашеский устав. Однако затем ряд обителей, пользуясь расположением византийских императоров, стал подчинять себе соседей, и постепенно вся территория полуострова перешла в руки двадцати монастырей.

Еще в начале XX века эти монастыри имели права феодальных владетелей. Они за плату разрешали устраивать в своих пределах скиты и келлии, продавали их на арендных началах, а после смерти арендаторов забирали их имущество в монастырь и опять продавали обитель в другие руки. Без благословения монастырцев насельники малых обителей не могли даже срубить деревце на собственном участке. Нужно рукоположить в священный сан ученика, покрыть протекающую крышу, построить

сарайчик — старец шел в монастырь и просил бесплатное «благословение».

Сейчас, слава Богу, эти времена ушли в прошлое, и зависимость малых обителей от «материнских» стала почти номинальной. Очень многие иноки предпочитают теперь спасаться именно вне монастырей, которые более подвержены влиянию мира. И опытные паломники тоже предпочитают останавливаться в скитах и келлиях, поближе к старцам и к строгой монашеской жизни.

Однако в столичную Карею наведываются даже скитники и келлиоты — хотя бы за почтой от своих духовных чад.

АФОНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Виталий ПАНТЕЛЕИМОНОВСКИЙ

Русский Афон ассоциируется прежде всего с Пантелеимоновым монастырем. Воистину тут — цитадель русского монашества на Востоке, своими куполами и красками так отличающаяся от соседних греческих обителей.

Каждый раз сердце сжимается при виде его построек — это больше, чем встреча с Россией, это встреча со Святой Русью.

Теперь же, после частых паломничеств на Афон и дружбы с одним из насельников Пантелеимоновского монастыря, о. Виталием, я высматриваю и знакомые уголки обители, в том числе и балкон о. Виталия со скамьей, где не раз мы сживали вдвоем за чаем, созерцая афонский закат.

Писать вкратце о давнем знакомстве непросто, намного легче рассказать о какой-либо афонской единичной встрече. Как передать в сжатой форме многочасовые беседы, прогулки по святогорским тропам, богослужения в маленькой келлийной церквушке, вечера на утесе, который я прозвал «камнем отца Виталия», ибо на его вершине как будто бы образовалось особое ложе, продавленное могучими формами инока.

Иеромонах Виталий в самом деле выглядит как Илья Муромец, когда тот принял, по преданию, постриг в Киево-Печерской Лавре. За более чем два десятка лет

на Афоне он, правда, несколько «огречился», приобретя вечный эгейский загар. На традиционного русака он теперь не похож, что и соответствует его национальному самоопределению: «Я — не русский и не грек, я — афонец».

Родом с Дальнего Востока, попав в армию, он уверовал в Бога и принял решение стать монахом. Это осуществилось не сразу, некоторое время Валентин (таково было его имя до пострига) работал в конструкторском бюро, готовясь к уходу из мира. На Афон он приехал в начале 1970-х годов, «командированный» Московской Патриархией в увядавший Пантелеимонов монастырь. По статусу Святой Горы ее насельниками могут быть только граждане Греции (сейчас с этим не так строго) — так сибиряк стал эллином. Это, впрочем, никаких привилегий ему не дало: лишь раз ему пригодился греческий паспорт, когда игумен благословил поклониться Гробу Господню в Иерусалиме и о. Виталию не пришлось хлопотать о визах.

В отличие от многих других монахов-россиян о. Виталий овладел греческим языком — по крайней мере в степени, достаточной для общения со своими соседями. Это по-другому его настроило: не секрет, что иные русские насельники замыкаются в собственной русскости, тем самым лишая себя многих духовных богатств Святой Горы.

По своему мироощущению он принадлежит к числу жизнелюбцев. Разным бывает монашеское делание. Мысли о геенне огненной, о трудностях спасения, конечно, присущи и о. Виталию, но в его речах преобладает горячая благодарность Богу за жизнь, за святой Афон, за древнюю Элладу, за великолепие закатов над Эгейским морем.

Отец Виталий общителен и открыт, с ним легко можно обсудить и богословскую, и бытовую тему. Вот почему на балкончике его келлии любят посидеть многие посе-

тители «Пантелеймона». Кроме того, его можно считать живой энциклопедией русского Афона: он везде бывал, со всеми знаком и может удовлетворить любопытство по самым разным вопросам. И ему интересны его гости: о. Виталий со вкусом и обстоятельно расспросит и о вашем житье-бытье.

Есть у него хобби, хотя это слово с трудом помещается в очерк о монахе. Он давно увлекается фотографией, являясь единственным русским монахом-фотографом (среди греков есть несколько, уже выпустивших свои альбомы). Ему удается делать снимки, нам, паломникам, недоступные: монахи вообще не любят сниматься, а большинство наотрез отказываются. Его работы и комментарии — одно из удовольствий нашего общения. Профессиональный уровень о. Виталия с годами растет, но любимые сюжеты, как и полагается, остаются теми же: афонская природа, море, цветы, блики солнца на куполах.

Совсем иначе он выглядит, когда служит в церкви, особенно в праздничных, белых одеяниях. По-византийски

Иеромонах Виталий.
Пантелеимоновский монастырь. 1999

торжественный, он решительно выносит чашу «народу», который обычно состоит из трех десятков иноков и нескольких паломников, а иногда — из меня одного, если он служит в Димитриевской келлии.

Несмотря на общительность, о. Виталий несколько тяготится жизнью в большом монастыре. Ему мила природа, лес, где стоит его любимая келлия св. Димитрия Солунского. Келлия эта заброшена монахами, но о. Виталию удалось получить благословение игумена на раздвоение своей жизни: половина — в лесу, половина — в монастыре. Вблизи келлии он и облюбывал скалу, с которой так сладостно обозревать море, берега, закаты и у которой природа близка, а начальство далеко.

В одну из последних поездок на Афон, рассматривая с моря балкон о. Виталия, я, по каким-то трудноуловимым признакам, ощутил, что хозяина балкона нет. Так и оказалось: монаха, в сане игумена, благословили возродить один сибирский монастырь. Отец Виталий вернулся на родину, увезя туда, уверен, не только фотографии Святой Горы, но и ее дух.

Исидор-гостинник

Иеромонаха Исидора русскому богомольцу на Афоне не встретить нельзя. В соответствии с послушанием он — Пантелеимонов гостинник (по-местному — архондаричный), и именно от него зависит, где вам удастся преклонить голову после долгого святогорского пути. Но распределением келий послушание о. Исидора не заканчивается. Для большинства паломников именно он становится ключевой фигурой в обители, а не настоятель о. Иеремия и не духовник о. Макарий, почти недостижимые в силу своего высокого положения. Именно

о. Исидор объяснит вам, где спасался преподобный Силуан и где теперь его честная глава, как пройти в Нагорный Руссик и что сказать там о. Ионе, дабы он не прогнал, и многое иное. В его силах и важнейшее дело — продление вашей афонской визы, ибо кому, как не ему, соотечественнику, понять, что вы прибыли издалека и три официальные ночи на Афоне — это до обидного мало. В таком случае надо смело объявить отцу-гостиннику о желании остаться, указав срок («еще на недельку», «на всю жизнь»).

Итак, отец Исидор — обычно самый первый пантелеимоновец, вами встречаемый. Обязательное «откуда?» и запись в книге паломников (диамонитирион, то есть вид на жительство, он не спрашивает, как и архондаричные в других монастырях, — афонская этика построена на доверии). Затем — чай. Без спешки, но с лукумом. После вручения образка св. Пантелеимона вас проводят к месту временного пристанища.

Во время всего этого не перестаешь удивляться слаженности афонского организма: агиориты занимают как

Иеромонах Исидор, архондаричный Пантелеимонова монастыря. 2000

будто Богом уготовленные им места. Вот и здесь — трудно представить себе более идеального гостинника, чем о. Исидор, встречающий вас как самых дорогих, долгожданных родственников. Длинная борода не может скрыть его радостную улыбку, так же как и очки — его лучезарные глаза. Добавьте к этому всегда доброжелательные, почти восторженные интонации. Но думается и другое — может, в этом суть монашеского делания, в котором после отсечения своего «эго», собственной воли, место начинает «красить человека». Архондаричный должен встречать гостей, как Самого Христа, и он так их встречает.

Свято блюдет о. Исидор и интересы обители. Если вы обосновались на одну ночь, то на вашу независимость не будет никаких посягательств (в рамках обязательного распорядка монастырского дня). Если же хотите погостить более — будьте готовы принять собственное послушание. Вас всегда найдут, чем занять: это может быть таскание мешков с цементом, распилка дров, мытье посуды на кухне. Поэтому те паломники, что используют монастырь как базу для вольных походов по Афону, стараются незаметно от гостинника проскакивать в свои кельи. Но это трудно — у кельи о. Исидора выгодное стратегическое положение, прямо напротив входа в странноприимницу.

Другое послушание о. Исидора — лавка. И здесь тоже монах ревностно взялся его исполнять. В мои первые посещения Афона торговли тут практически не существовало. Но времена меняются, и с каждым годом я с удивлением вижу, как скромный поначалу уголок вырос во внушительное предприятие с картинами, компакт-дисками и разного рода сувенирами. Ведь не существо-

вало у о. Исидора коммерческой жилки, но вот игумен благословил торговать, и торговля расцвела.

...В одно из посещений Афона моим соседом по келье оказался один украинский юноша. Человек светский, он интересовался преимущественно природными красотами полуострова. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что это был родной брат нашего архондаричного. Юноша поведал, что для всей его семьи оказалось крайне удивительно обнаружить одного из своих членов монахом на Афоне. Семья жила и живет в промышленном Запорожье, старший брат был, как полагается, советским пионером (комсомольцем вроде бы не стал). Был как все. Книжки вот только любил читать.

В те дни я впервые увидел о. Исидора огорченным. Младший брат, в нарушение афонской дисциплины, отправился купаться в море. Об этом никто бы не узнал, но в данном случае своеволие скрыть оказалось невозможным. Купальщик весь покололся о морских ежей, и ему теперь требовалось почти хирургическое вмешательство по удалению колючек. «Говорил же тебе — не благословляют купаться на Афоне», — сокрушался о. Исидор, удаляя занозы из пятки брата.

ЕФРЕМ-ЖИВОПИСЕЦ

Одно из моих самых первых афонских знакомств — монах Ефрем. Он появился на Афоне на несколько месяцев раньше меня. Однако я ушел обратно в мир, а он остался.

Тогда его звали Володей, и мы, будучи земляками, быстро сблизились. Поискали общих знакомых, сразу нашли таковых и, усвоив, что принадлежим к соприка-

сающимся кругам, провели немало времени вместе. Оба мы были новичками на Святой Горе, оба ею восхищались. Наше восхищение кончилось по-разному: я сел за книгу об Афоне, а он там остался.

О таком радикальном намерении Володя мне ничего не сообщал, хотя виделись мы с ним часто, а несколько раз я был его личным гостем. В первый раз — в отдаленной от монастыря келлии св. Стефана, другой — в мастерской, когда я попал на монастырский престольный праздник и мест не было ни для кого. Особенно долго мы беседовали в Стефанской келлии, реставрацией коей Володя занимался. Место в самом деле чудное, уединенное, в густом лесу, среди мягких холмов. Природа вокруг келлии, стоящей почти на самом хребте Святой Горы, напоминала среднерусскую, и Володю это умиляло. Но по России он не скучал, ибо нашел Святую Русь.

Художник по образованию, Володя много трудился. Он написал, например, на стене Покровского корпуса образ св. Силуана, попавший на открытки и обложки книг и ставший теперь почти каноническим. Ему же доверили («благословили») реставрировать Святые врата.

Однажды мне не удалось разыскать Володю. Инок-пантелеимоновцы рассказали, что он познакомился с богатым греком и ушел в мир расписывать ему домовую келлию. «Должно быть, обогатится наш Володя», — прибавляли иронически монахи, скорбевшие об уходе живописца.

Прошел еще год, и я опять в родном «Пантелеимоне». С правого клироса собора, там, где монахи читают Псалтирь, послышался знакомый голос. Это был Володя, но уже — чернец, уже — с другим именем. И как

Монах Ефрем, иконописец Пантелеимоновского монастыря. 1999

оказалось непросто, после стольких лет знакомства, называть его иначе.

«Да, именно у моего богатого грека, — рассказывает о. Ефрем, — я осознал, что нет мне более места в миру. Все с ним было хорошо. И церковь расписываю. И паломничаем в дальние места, даже на Кипр, к Киккской Божией Матери, съездили. Упрашивал оставаться навсегда, другие заказы обещал найти. А я ему — отпусти меня на Афон, монахом хочу стать. Держать меня не стали».

Отец Ефрем взял с полки старинную книгу и погрузился в видавшее виды кресло.

«Что еще надобно? Вот эта книга святых Отцов и Афон. Больше ничего».

ПАВЕЛ СЕРАЙСКИЙ

Архимандрит Павел принадлежит к новому типу святоторцев, вооруженных компьютерами, сканерами и мобильниками. Весь этот немонашеский арсенал он использует для добровольно взятого послушания — реставрации икон. Причем реставрирует их не он один, а с целой командой мирян, наезжающих на Афон со всех уголков света. Большинство их — люди религиозные, но попадаются и прохладные к вере, занимающиеся реставрацией ради реставрации. Таким образом вокруг о. Павла постоянно вьется рой учеников, коллег, журналистов и просто праздношатающихся по Афону. Кроме всего этого, о. Павел и сотрудники его лаборатории живут в прежде русском Андреевском скиту, называемом греками Серай, по турецкому слову «дворец». Став дикеем, скитона начальником, он посему получил прозвание Серайский.

Можно себе представить, какой полемикой окружена такая яркая и деловая личность. У архимандрита на Афоне как горячие почитатели («Молодец! Иконы надо реставрировать там, где они есть»), так и возмущенные хулители («Негоже монахам так суетиться»). И сторонники, и противники не жалеют доводов в свою пользу — уж чего-чего, а равнодушия на Святой Горе не бывает.

Будущий афонит родился в благочестивой солунской семье. Его мать девушкой мечтала о монашестве, но объявился один пылкий возлюбленный, который убедил, что семейная жизнь — не меньший подвиг. От брака родилось двое сыновей. Оба стали монахами. К ним присоединился престарелый отец. А мать осталась в миру, в Салониках: ее девичья мечта об иночестве воплотилась в

Архимандрит Павел, дикей Андреевского скита. 1997

остальных членах семейства. Старец при этом бывшую супругу не разлюбил и каждый вечер звонит ей с Афона, подробно рассказывая о святогорских делах, — за это ему крепко достается от злых языков.

Отец Павел пришел к монашеству через свою мирскую профессию, реставрацию. Спасая иконы от порчи и забвения, он задумался — а что же там, за доской, левкасом, красками? Думал-думал — и в результате принял постриг. Таково логичное, рациональное объяснение. Но есть и иррациональное, о котором архимандрит говорит не всем: сама икона, с которой он сидел так долго, его преобразила и просветила.

Лет десять тому назад солунский монах (а о. Павел сначала спасался в городском монастыре Салоник, в окраинном квартале Панорама) получил предложение от

ватопедского игумена «поднять» приписанный к монастырю Серай. Русская обитель к тому времени давно уже стояла пустой, и ватопедцы не раз обращались к разным монахам с приглашением туда вселиться. Никто не соглашался — уж больно велик этот «Кремль Востока», хлопот не оберешься. Отец Павел согласился. И надо сказать, что к русскому наследию он отнесся весьма бережно. Собрал по всем закуткам любую мелочь, оставшуюся от прежних насельников, включая ржавые столовые приборы. Тут, думаю, сработала привычка реставратора, да и общая культура интеллигентного человека.

Шли годы. Ватопед с удивлением наблюдал за размахом деятельности приписной обители. В итоге старцы решили, что в монашеском лозунге «молиться и трудиться» у о. Павла образовался явный крен в сторону последней составляющей. Для уравновешения вселили в Серай другую группу монахов, истинных молитвенников, с их собственным дикеем, о. Ефремом. Соломоново решение: они молятся, архимандрит Павел трудится. Места в Андреевском скиту хватит на многих, но вот двоевластие — вещь, как известно, шаткая, и архимандрит сложил с себя полномочия скитоначальника. Однако иконы реставрирует все с тем же увлечением.

Алипий Капсальский

«Кремль Востока», Андреевский скит, как и полагается доброму кремлю, стоит на высоком холме. Карея расстилается под ним, как типичный посад, с присущими ему мастерскими и лавками. По противоположную сторону от Кареи, под скитом, разверстывается огромный овраг, почти ущелье, называемый Капсалою. В нем обитают пустынники — келлиоты и каливиты.

Иногда и андреевцы, не выдерживавшие почти военных правил общежительного устава, уходили вниз, в Капсалу, — кто по благословению настоятеля, а кто без оногo. Там удобно: и скит рядом, и одиночество в полной мере. Порою анахореты, почуввав приближение вечности, возвращались в родные стены и отходили в мир иной в скиту — со всеми привилегиями скитников: постриг в схиму на смертном одре, торжественные похороны всем братством, поминание за каждой литургией в течение трех лет, по окончании коих — законное место черепу на полке в братской усыпальнице.

Отец Алипий у келлии
св. Николая Чудотворца. 1997

Воистину, ущелье Капсала — одно из самых живописных мест на Афоне. Расположенное поблизости от столицы, оно тем не менее мало известно. Во-первых, капсальские келлии и каливы с афонских трактов не видны: ущелье их как бы поглотило. А во-вторых, по установленным правилам, паломники могут беспрепятственно посещать (и рассчитывать там на гостеприимство) двадцать «господствующих» монастырей. Что же

касается великого множества остальных обитателей, которые вне Афона считались бы монастырями, а здесь имеют названия скитов, келлий и калив, то в них попасть сложнее. Обычно идут по рекомендации, с поклоном от имярек, или с каким-то знатоком местности.

Рекомендацией к отшельнику Алипию было письмо из Петербурга от одной благочестивой женщины, переписывающейся с ним по-русски и пославшей ему, что меня сразу заинтересовало, медальоны с изображением благоверного князя Александра Невского. «Отец Алипий, — пояснила она, — ваятель, делает рельефные образки святых и очень любит русских угодников». Первый поход к монаху-ваятелю оказался безрезультатным: телефона у него нет (это не всегда так, у некоторых анахоретов есть телефоны и даже мобильники), и договориться о встрече было невозможно.

У порога его келлии какой-то другой неудачливый посетитель оставил пакет с запиской, но я не решился так поступить — не из-за боязни воров, а из желания повторить попытку знакомства.

И оно состоялось. Во второй поход на мой традиционный призыв «евлогите» (т. е. «благословите» — так на Святой Горе приветствуют монахов) я услышал ответное «О Кириос», т. е. «Господь благословит». Дверь распахнулась, и на порог вышел патер Алипос, улыбчивый и сияющими, как у большинства афонцев, глазами. По-русски он понимал, но говорить не мог. Впрочем, его словарного запаса, употребляемого в виде имен существительных без глаголов («церковь», «хлеб», «паломник»), для нашего общения, пусть и неглубокого, хватало.

Отец Алипий действительно оказался схимником-ваятелем, живущим на вырубку от своих изделий. Вся келлия была увешана результатами его трудов — релье-

Келлия св. Николая Чудотворца. 1997

ефными образками всевозможных размеров, форм и сюжетов. Из дерева первоначально вырезается форма — я и застиг его за этим занятием, — которая заливается потом массой сложного состава, им самим изобретенного. Среди образов действительно встречалось много русских угодников — в первую очередь святые Серафим Саровский и Ксения Петербургская.

Даже в иконостасе его домово́й церкви, посвященной св. Николаю Чудотворцу, стояли рельефные иконы, что меня, привыкшего к полному отсутствию трехмерных образов, изумило.

Замечу, что в Греции отсутствуют многие наши обычаи, возведенные чуть ли не в ранг догмата, — например, платочки на головах женщин, обязательное стояние во

время всей службы, установка свечей исключительно правой рукой и прочее.

Выяснилась и другая деталь, меня поразившая. Одним из предшественников о. Алипия по его келлии был Никодим Святогорец, великий духоносный отец, писания которого на рубеже XVIII–XIX веков вдохнули новые силы в православное монашество. Так, значит, именно здесь, в этих стенах, собиралось по крупицам Добротолюбие, ставшее затем, благодаря другому многолетнему насельнику Афона, старцу Паисию, столь любимо в России.

Отец Алипий, показывая келлию, подвел меня к углу, где на столике находился череп. «Мой старец», — по-русски сказал он, с любовью глядя на главу. Мы помолчали...

На том же столике стоял большой овальный рельеф со сложным сюжетом. Схимник дал пояснения, и пришлось удивляться еще раз. Рядом с черепом старца-наставника, оказывается, располагался сюжет «Смерть Архимеда», со всеми известными подробностями: римский воин с поднятым мечом; ученый, заслоняющий начерченные на песке чертежи. Однако чему поражаться: ведь мы — в Элладе, а схимник-вятель — грек, впитавший с молоком матери свой эллинизм!

Архимед в Алипиевой келлии, в общем-то, был мне понятен, хотя трудно представить себе портрет, скажем, Ломоносова в келье нашего инока-соотечественника. Но национальной гордыни, которая иногда встречается у греков, и даже у монашествующих, у о. Алипия нет. А кроме того, он искренне любит русских. И язык наш учил у русских афонцев бескорыстно, без каких-либо практических целей. Теперь он часто читает русскую духовную литературу, отчего в его словарь проникло немало архаизмов. Выйдя из келлии на тропинку, он вдруг сказал: «Стезя».

Стезя привела нас к скромному саду-огороду о. Алипия. Одно-единственное дерево, слива, было покрыто сетью. «Дрозды, воробьи, голуби», — пояснил схимник. Показав рукой на зачахший куст, сказал: «Помидор умер». И, довольный тем, что удалось образовать целое предложение со сказуемым, рассмеялся.

ПАХОМИЙ-ЗИЛОТ

Отец Пахомий, выходец из СССР и давний афонец, не приписан ни к одному из двадцати «господствующих» монастырей, к которым принадлежат все жители Святой Горы, даже отшельники. Впрочем, афонскому государству присущи широкий плюрализм и разнообразие ситуаций. «Диссидентствует» не только о. Пахомий, но и многие другие, живущие поодиночке или небольшими группами, диссидентствует целый монастырь — Эсфигмен, — отколовшийся от братства агиоритов и живущий сам по себе, без правительственных дотаций, электричества, под тревожным транспарантом, вывешенным на стене обители, «Православие или смерть». Поплатились за «диссидентство», впрочем, русские монахи-ильинцы...

Отец Пахомий появился на Афоне в 1970-х годах. Как

Пахомий-зилот.
Скит Старый Руссик. 1999

Скит Старый Русик. 1999

человек горячий (мне кажется, во время Никоновых реформ в России он стал бы одним из старообрядческих вождей), новый агиорит глубоко и болезненно пережил греческий календарный раскол, приняв в итоге сторону зилотов. Покинув Пантелеимонов монастырь, куда был направлен Московской Патриархией, он ушел в зилотствующий Ильинский скит.

Я познакомился с ним впервые в 1992 году, сразу после изгнания скитников-ревнителers. Монах был задумчив и подавлен. Отлучившись по делам из обители, он обнаружил по возвращении свой дом опечатанным, лишившись, таким образом, не только всех вещей, без которых инок, в общем-то, может обойтись, но и паспорта, нужного, как выяснилось, и монаху, ибо без такового полиция с Афона выселяет. «Но меня с Афона выселят только мертвым», — заявил мне тогда о. Пахомий.

Встретил я его в Нагорном Руссике, русской обители, заселенной нашими монахами после Ксилургу до их спуска вниз, к морю, к великому в будущем Пантелеимоновскому монастырю. Грустное зрелище представляет сейчас этот скит: его жизнь и здания как будто бы обрублены. Подобно другим русским обителям, он с годами набирал силу, нынче всю поиссякшую. В начале

Инок Иона в Старом Руссике. 1999

XX столетия здесь началась постройка огромного собора. В России шла революция, Гражданская война, а на Афоне потихоньку достраивали собор, и, когда его закончили в 1925 году, оказался он никому не нужным. И служат в нем теперь раз в год, на престольный праздник, в день св. Пантелеимона. В скитских же корпусах, по разным их углам, живут два пожилых русских монаха, принадлежащие разным юрисдикциям. Отец Иона, живущий в восточном крыле, ходит причащаться в свой Пантелеимоновский монастырь, а о. Пахомий, живущий в крыле западном, — в Эсфигмен, к братьям-зилотам.

В следующий раз, спустя пять лет, о. Пахомий выглядел более спокойным. Паспорт ему вернули. К странному положению зилота, живущего в незилотской обители, на Афоне привыкли.

Беседа наша, как и с большинством ревнителей, была тревожна, ибо по своему мирозерцанию они —

апокалиптики, истово готовящиеся ко Второму пришествию Христову и усматривающие в хаосе нашей жизни знаки последних времен. Зилотов не занимают разговоры о делах, работе, профессиях их собеседников — «спасаться надо». И это очень правильно, как же не желать спасения души? И может, действительно прав о. Пахомий, и следует бросить все: переводы, писание книг, включая и эту, — и посвятить остаток жизни подготовке к жизни вечной?

Антихрист, бесы, звериное число 666, жидомасонский заговор — эти тяжелые темы чуть облегчались светлым афонским закатом, вкуснейшими помидорами и огурцами, возвращенными о. Пахомием. За время зилотства в пустом Руссике он стал замечательным огородником и даже снабжает овощами своего единственного соседа, о. Иону.

Но к одной евхаристической чаше эти два русских святогорца не ходят. Действительно, можно поверить в последние времена.

ГЕРАСИМ-«ИСИХАСТ»

Отец Герасим обитает минутах в двадцати от столичной Кареи, неподалеку от большака, ведущего в Иверский монастырь. Большак есть большак, и о. Герасим доволен, что его жилище с дороги почти не видно, тропка к нему непривлекательна, и значит, меньше случайных визитеров. Будучи почти столичным жителем, он, однако, умудрился уединиться, и я не сразу обнаружил его келлию, несмотря на собственноручно поставленный им крестик на моей, самой лучшей в мире, австрийской, карте Афона (мы познакомились в русском монастыре, во время престольного праздника).

Отец Герасим отшельничает, но, похоже, делает это не вполне добровольно, ибо крайне охоч до беседы, в которой проявляет поразительную широту интересов и особенную любовь к истории, преимущественно — к Средневековью. Его занимают таинственное движение катаров, несчастные тамплиеры, а в глобальном, мировом историческом процессе — судьбы царств. При каждой нашей встрече первое, о чем он заговаривает со мной, — это какая-нибудь отвлеченная историческая тема, например царствование Лжедмитрия, которая тем не менее им искусно включается в общую, вселенскую систему. Подобная любовь к беседе вступает в противоречие с официальным названием его обители — исихастирион, что означает обителище исихастов, приверженцев исихии, молитвенной тишины.

Постриженник греческого Кутлумушского монастыря, он в монастыре тем не менее не жил и ушел сначала в небольшую келлию, где обитало несколько старцев, а затем получив в свое распоряжение полуразвалившуюся хибару и — маленькое чудо — разрешение устроить в ней церковь, да к тому же посвятить ее не кому иному,

Отец Герасим близ келлии св. Серафима Саровского. 1997

как преподобному Серафиму Саровскому! Отец Герасим сообщает, что таковое посвящение уже принято в Протате и что это будет первый афонский храм в честь Саровского Чудотворца. Покамест же на месте будущей церкви стоят три стены без крыши...

Типичный русак, блондинисто-рыжий, с голубыми глазами в глубоких глазницах, подвижный, хлопотливый, гостеприимный, о. Герасим обрушивает на своих гостей накопленные им святогорские сведения.

Его путь на Афон оказался весьма экстравагантным. Фабричным пареньком он скопил немного денег, решив потратить их на путешествие в Америку. Приехав из своей глубинки в Москву, будущий святогорец узнал, что на Америку денег ему не хватает, а вот на двухнедельный тур в Грецию — пожалуйста. Тур совершался группой «челноков», от которых он отделился ради культурных маршрутов, в частности похода на Олимп, где и услышал о существовании Афона, прежде неведомого.

Афон потряс, заморозил, и так, вместо суперсовременных Штатов, он попал, и основательно, в средневековое государство Агион-Орос. Последним отрезком его траектории стало падение на автомашине с афонской кручи. Он пролетел вниз метров пятнадцать, а очнувшись, увидел над собой медсестер. «Женщина, значит — не Афон», — первое, что пришло в голову. Поправившись, он тут же вернулся на Святую Гору. В машине он падал вместе с кутлумушскими монахами — все остались живы, — и посему постриг был принят в Кутлумуше.

Его живой и бойкий ум быстро усвоил афонские традиции и даже эллинизм. «Культурное гетто», куда попали иные русские афонцы, не овладевшие греческим

Келлия св. Серафима Саровского, выстроенная о. Герасимом. 1999

языком, для о. Герасима не существует. Горячо признав и Афон, и Грецию, он не перестал быть русским патриотом, проявляя свою любовь к отечеству на любом уровне, в том числе и бытовом, доказывая преимущества русских открывашек, ножей, рыбных консервов.

Общительный характер (не перестаю удивляться, почему он живет «исихастом») позволил о. Герасиму свести короткое знакомство со многими насельниками карейских обителей. Пожалуй, для русских паломников он был бы очень полезен именно как знаток Кареи и ее окрестностей.

Но найти общительного отшельника непросто. Его исихастирион на картах, даже самых подробных, не отмечен.

АФАНАСИЙ ЛАВРСКИЙ

Слава о. Афанасия на Афоне распространилась быстро — несмотря на то, что укрылся он в самом уединенном уголке — в местности Каруля, той самой, что обрывается под святогорским шпилем в море и где отшельники передвигаются с помощью веревок и цепей.

Одна из странных особенностей Афона — быстрое распространение новостей, и это без радио и телефонов, не говоря уж об электронной почте, официально здесь запрещенной Кинотом. Местное население как будто связано невидимой информационной сетью, и важные события, происходящие, скажем, на Каруле, быстро становятся достоянием гласности на другом конце полуострова.

Об о. Афанасии мне поведали в Пантелеимоновом монастыре.

Пришел он, будучи еще Женей, в Грецию странником — как будто бы пешком из родного Владивостока. Шел в Святую Землю, но не дошел, так как свернул на Афон. Документов нет. Когда-нибудь попадетесь астиномам, и те его моментально выдворят. Где выход? Пантелеимоновцы считали, что один: идти в русский монастырь и проситься на послушание. Но Женя, по ведомым одному ему причинам, в Пантелеимонов монастырь идти не хотел. Это, кажется, огорчало монахов — казалось, что владивостокский странник предпочитал быть изгнанным, нежели просить кров в родном «Пантелеймоне».

Прошло года два, и в одно из летних посещений Святой Горы я оказался в Лавре на панигире, престольном празднике. Такого большого скопления народа на Афоне я прежде никогда не видел. В архондарик, за койкой, даже не было смысла обращаться — люди раскладывали свои паломнические принадлежности прямо в монастыр-

ском дворе. Кипели огромные котлы с рыбой. Один монах, окруженный зеваками, почти полдня выкладывал коливо-мозаику, с изображением св. Афанасия, которую на следующий день должны были раздать богомольцам.

Другой, чернявый молодой монах напористого вида, постоянно сновал между двором и трапезной. Что-то неуловимое во взгляде или походке выдавало в нем земляка.

Традиционное святогорское начало: «Благословите, отец» — «Бог благословит».

Лаврский инок оказался тем самым Женей-карулиотом, за которым охотилась афонская полиция.

Беседовать, однако, было невозможно — слишком много предстояло хлопот, и мы договорились пообщаться на следующий день.

Всю ночь шла праздничная служба, закончившаяся пиром. Огромная трапезная, конечно, не вмещала всех пришедших, и их запускали в три очереди. Потом люди отдыхали, пытаясь найти в греческий летний полдень тенистый уголок. Затем мы встретились с о. Афанасием.

Да, действительно, пешком шел из Владивостока. Да, нелегально пересек афонскую границу (и не ее одну). Да, полиция ловила и поймала. Потом же началось нечто необычное.

Отец Афанасий.
Лавра св. Афанасия. 2000

Нелегал исповедал перед астиномами желание стать монахом. Афон — страна особенная, и полицейские тут уважают подобные стремления. Нарушителя всевозможных земных правил отвели по его просьбе в Лавру, игумен коей уже знал о русском отшельнике. Отважный юноша приглянулся настоятелю, и тот взял его под свою опеку, а по прошествии срока послушания принял в лаврскую братию. Имя новому иноку дали со значением — в честь основателя Лавры.

Мы поговорили о разных животрепещущих материях. Отец Афанасий на экстремистской Каруле пропитался страхами перед заговором масонов и иже с ними, и эта тревога служила лейтмотивом его речей. Всего в мире следовало опасаться, и лучше с ним не связываться вовсе. Признаюсь, в не терпящем возражений тоне о. Афанасия мне виделось то, что в России сейчас называют младостарчеством.

Рассказывал о. Афанасий и о скудном и опасном карулиотском быте. Жил он в маленькой пещерке, над самым обрывом. Лазил к себе по веревкам. Пятачок земли был совсем крохотным, и приходилось в буквальном смысле изворачиваться, чтобы не упасть в море. Поведал монах и одну колоритную деталь: дабы содержать в чистоте пещерку, приходилось, будучи занятым нуждою, подвешиваться на веревке: «Висишь над морем и молишься — Господи, не возьми меня в сей момент: ведь в чем застанешь, в том и осудишь!»

Мы смотрели в другую сторону — в бездонное элладское небо. «Где-то там радуется, — после долгой паузы сказал инок, — убажжаемый нынче нами преподобный Афанасий, он же мой новый покровитель, спасший меня и от полиции, и от мира».

Я поздравил бывшего сибиряка с именинами — первыми в его монашеской жизни.

КУКША

Всех святогорцев можно разделить на два преобладающих типа — монастырцев, что спасаются в 20 больших обителях, почти на виду у мира, и пустынников, предпочитающих места поукромнее. Отец Кукша — случай особенный. Начать с того, что к его имени, в отличие от остальных афонцев, нельзя приложить название какой-либо обители: как я его ни встречу, живет он в новом месте. Но он и не сиромеха, не афонский бомж какой-нибудь, а почтенный инок, хотя и «без определенного места жительства». Его можно смело назвать подвижником, имея в виду не «подвиг», а «подвижность».

Первый раз мы с ним познакомились в месте весьма динамичном — в Стамбуле, на Пантелеимоновом подворье. Вероятно, я стал одним из первых принятых там паломников — после долгого перерыва. Пантелеймоновцам только что удалось, в результате многих усилий, выселить из части подворья турок и сделать там ремонт. В одну из таких комнат, свежеевыкрашенную и без какой-либо обстановки, я и вселился, с матрасом, заботливо выделенным о. Кукшей, на полу. Каждое утро, вместе с пением муэдзина, он деликатно, но твердо стучался ко мне и будил — никогда при этом, как и в святогорских странноприимницах, не заходя внутрь.

Монах производил впечатление того русского человека, о котором (в пассаже об Алеше Карамазове) писал Достоевский — что, мол, забрось его в самый дальний чужеземный край, да и там вокруг него все быстро образуется и наладится.

Отец Кукша выполнял свое константинопольское послушание точь-в-точь как его выполняли подворские иноки век назад: разъяснял мне, как проехать ко Влахернскому источнику, как повстречать старых русских

стамбульцев, как без ущерба поменять валюту. Сам он жил на берегах Босфора не так уж давно, но владел бытовым турецким, а главное — хорошо изучил менталитет местных граждан. Основные свои силы он отдавал восстановлению русских подворий, и не только Пантелеимоновского, но и двух других, Андреевского и Ильинского.

Сумбурная Турция придавала о. Кукше дополнительное ускорение — ему разрешалось, как и всем гражданам СНГ, жить там лишь месяц: по истечении оногo инок отправлялся в ближайшую заграничную страну, Болгарию или Грецию, и тут же возвращался.

Прошло несколько лет. Однажды, зимую во Флоренции, услышал новость — на берега Арно с особой миссией едут два святогорца. Одним из них оказался, конечно, о. Кукша, который теперь жил на самом Афоне, на землях Симонопетрова монастыря и под началом русского старца Венедикта. Этот старец получил от монастыря благословение жить в полуразрушенной келлии и взялся за ее восстановление. Отец Кукша, с его опытом реставрационных работ в турецкой столице, оказался к месту. В Италию же святогорцы прибыли с двумя задачами — поклониться православным святыням, туда по неисповедимости путей Господних попавшим, и купить автомашину. Как известно, Эллада машины не производит, и посему цены там на эти средства передвижения завышены.

В либеральном флорентийском приходе афониты произвели сильное впечатление. Как выяснилось, о. Венедикт был ученым монахом, специалистом по сектам. К сектам он причислял и Римско-католическую Церковь, чему и посвятил свою пассионарную воскресную проповедь. Особенно страстно он обличал Франциска Ассизского, пребывавшего, по его мнению, в явной прелести. Досталось также нашим флорентийским дамам, явившимся в церковь в брюках.

Отец Кукша. 2000

Отец Кукша, как всегда, был немногословен и сосредоточен. У него возникло новое, краткое послушание — купить в Италии машину. О себе он лишь обмолвился, что итальянской визы у него нет и не было, а греческая истекла, но на въезде его не остановили. Бог даст того же и на выезде. Флорентийские прихожане в сомнении качали головами. Я же не сомневался: тому, что делает о. Кукша, никто помешать не в силах. Так и вышло: машину иноки купили и границу с трудом, но пересекли. Потом автомобиль окажется не годным к афонским условиям, и его с большим убытком продадут. Но итальянское послушание было выполнено.

И вот — третья встреча. И опять в новом месте. Теперь о. Кукша трудился на восстановлении скита Новая Фиваида, у старца Рафаила. Он так же хлопотал с перевозкой цемента и приемом богомольцев, как на берегах Босфора. Где мы повстречаемся в следующий раз?

СВЯТОГОРСКИЕ ПОДВОРЬЯ В ТУРЦИИ

Русский народ всегда помнит, что именно из Царьграда, от стен Софийского собора, на нашу землю был излит свет новой веры. Поколения православных богомольцев стремились припасть к святыням этого великого города, с XV века оказавшегося, увы, в руках мусульманских завоевателей.

С начала XIX века, в годы, когда не велись очередные русско-турецкие войны, город наводняли толпы паломников из России. Богомольцы, прибывавшие обычно морем из Одессы, ждали здесь отправки пароходов в Палестину или на Святую Гору Афон и тем временем посещали древние царьградские святыни.

Именно нужды паломников подвигли афонские русские обители на устройство в Константинополе странноприимных домов. Конечно, и самим святогорцам было удобно иметь собственные подворья на перевале пути на Афон из России, где они имели свои представительства и закупали продовольствие.

В 1880-х годах, почти одновременно, три самые большие русские обители — Пантелеимонов монастырь, Андреевский и Ильинский скиты — приобрели земельные участки в европейской части Стамбула, в портовом квартале Галата, куда причаливали корабли из Одессы с паломниками. Вскоре тут возникли монументальные многоэтажные здания странноприимниц, с домовыми храмами.

Планы зданий, похожие между собой, обычно составлялись самими святогорцами, имевшими большой строительный опыт, а их возведение осуществлялось под надзором местных греческих техников-строителей. По сути дела, это крупные жилые дома, на всех этажах которых располагались комнаты для паломников, с общими кухнями. На самом верху устраивались церкви, имевшие такое же посвящение, как и афонская «материнская» обитель — во имя святых Пантелеимона Целителя, Андрея Первозванного и Илии Пророка. Все они снаружи отмечены типовыми барабанами с низкими куполами византийской формы, увенчаны «русскими» восьмиконечными крестами и даже покрашены зеленой краской в стиле Пантелеимонова монастыря. Подворья расположены в непосредственной близости друг от друга и составляют единый городской ансамбль. Будучи святогорскими учреждениями, храмы изначально входили в юрисдикцию Константинопольского Патриарха.

Подворье Русского Андреевского скита в Константинополе. Гравированный рисунок конца XIX века

Афониты не сразу смогли вступить во владение подворьями: строения сперва приобретались на имя частных лиц, так как монахи опасались противодействия мусульман. Любопытно, что, когда Андреевский скит

Афониты не сразу смогли вступить во владение подворьями: строения сперва приобретались на имя частных лиц, так как монахи опасались противодействия мусульман. Любопытно, что, когда Андреевский скит

решил, с помощью опытных стамбульских адвокатов, войти во владение своим филиалом, оказалось, что в турецком языке, на котором оформлялся фирман, нет слова «скит». «Султан увидит неизвестное ему слово, задумается и бумагу в сторону отложит», — заявили монахам адвокаты. В конце концов настоятель скита благословил толмачей на слово «монастырь»: султану задумываться не пришлось, фирман был подписан.

Кроме этих больших подворий с храмами, в Стамбуле на рубеже XIX–XX веков возникло еще пять малых странноприимниц (без церквей), также устроенных русскими афонскими обителями. Они представляли собою скромные жилые строения и назывались по-афонски конаками (большие подворья именовались метохами). Это подворья келлии Положения Пояса Богородицы; келлии св. Николая Чудотворца, именуемой Белозеркой; келлии Честного Креста Господня; келлии св. Иоанна Златоуста; келлии Пресвятой Троицы. Впоследствии, с упадком русского Святогорья, сами эти келлии перешли в греческие руки, а их цареградские подворья попали, разными путями, в собственность турок.

На подворьях проживали постоянно иноки, посланные на константинопольское послушание афонскими обителями: они вели богослужения, помогали пилигримам, занимались большим подворским хозяйством. Богомольцы из России находили тут все необходимое для своего паломничества: ежедневные церковные службы на славянском, организацию посещений святых мест, оформление различного рода документов, а также дешевое жилье и пропитание (за пребывание на подворьях платы никакой не полагалось: все зависело от доброй воли богомольцев).

В 1914 году вспыхнула Первая мировая война, снова разведшая Российскую и Османскую империи по враждующим лагерям. Пролиты были закрыты, паломнический поток прекратился, более того — турки интернировали часть монахов как российских подданных. Однако после занятия Константинополя в 1918 году войсками Антанты подворья вернулись к их владельцам.

В результате Гражданской войны из России на берега Босфора снова хлынули люди — но уже не паломники, а беженцы: по разным оценкам, их было от 200 до 500 тысяч. Афонские монахи с готовностью предоставили им свои подворья как убежища. Один из их гостей так описывал пребывание на Андреевском подворье: «Здесь не пресеклось православное уставное богослужение, чинное, благоговейное, странно спокойное на фоне всеобщего разрушения, при пении не многолюдного, но дивного хора... Здесь — старая Россия, даже этот запах трапезы в часы стола, эта старая афонская, такая вдумчивая, такая любвеобильная и смиренная вежливость. Пусть дуб рухнул — побеги есть — это символ возрождения».

С 1922 года, когда турки подвергли избиению малоазийских эллинов, подворья принимали и греческих беженцев.

После невиданного эмигрантского потока повсюду возникали и новые храмы. Очевидец свидетельствовал: «Церкви устраивались на скорую руку, часто из сшитых простынь, из жестяных керосиновых коробок, обклеенных иконками из бумаги, иногда в палатках, иногда просто в каком-нибудь закоулке». Оживлению церковной жизни способствовало пребывание многочисленного российского духовенства, в первую очередь епископата. Настоятелем посольской церкви, например, являлся в

1919–1921 годах владыка Анастасий (Грибановский), бывший архиепископ Кишиневский и Хотинский. Тогда же в Стамбуле учредилось Всеаграничное Высшее Русское Церковное Управление, позднее переместившееся в сербский город Сремски-Карловцы. Существовал особый Константинопольский округ, в составе которого числилось двадцать церквей, в том числе подворья. Управляющим округом был также преосвященный Анастасий.

В Турции, однако, русские эмигранты бедствовали, над ними висела угроза принудительной репатриации, и с их переездом в другие, более благополучные страны церкви беженцев бесследно исчезали.

В 1923–1925 годах советское правительство попыталось завладеть святогорскими подворьями как якобы государственной собственностью. Притязания удалось отвергнуть: ведь эти учреждения никогда не подчинялись российскому правительству. Более того, после утверждения в России советского строя русские афонцы, как на Афоне, так и в Турции, приняли греческое подданство.

Между тем пришла новая беда: в декабре 1929 года турецкое правительство реквизировало все подворские здания в качестве достояния «старого русского императорского правительства». Храмы были опечатаны, в странноприимницах разместились турецкие заведения и жильцы. Русские святогорцы стали отстаивать свои права — в обращении к правительству Турецкой республики они писали: «Мы не являемся ни красными, ни белыми русскими, мы просто монахи Святой Горы Афонской, живущей в основе наших прав и преданий, юридически признанных державами, в том числе и Турцией».

В 1932 году ситуация осложнилась вступлением в спор советской стороны, которая опять стала утверждать,

что афонские дома в Галате принадлежат СССР. В эти трудные годы на помощь подворьям пришли русские стамбульцы. В 1920-е годы при Ильинском подворье сформировался приход. Первоначально это была самая активная и многочисленная местная русская община. Ее многолетним настоятелем служил архимандрит Серафим (Палайда), уклонявшийся от признания Константинопольского Патриарха своим Владыкой и признававший священноначалие Русской Православной Церкви Заграницей. Архимандрита Серафима в 1940-х годах сменил иеромонах Иессей, также считавший себя клириком РПЦз. Однако с исчезновением русского Стамбула исчезла и община. В настоящее время Ильинский храм пустует: его росписи не сохранились, а иконостас демонтирован.

Андреевское подворье с конца XIX века и до начала 1930-х годов окормлял почтенный старец архимандрит Софроний (Баринов), скончавшийся на Афоне в 1934 году. Его сменил, с 1935 года, иеромонах Мелетий. В 1943 году при Андреевском храме была учреждена община, существующая и поныне, — ее первым старостой стал врач Н. Усов. В те годы здесь служили два священника — иеромонах Никон, настоятель подворья с 1940 года, и протоиерей Петр Хайдуков, серб по национальности. В последнее время здесь настоятельством отец Симеон, болгарин родом.

Пантелеимоновским подворьем непрерывно управляли монахи из Афона, так как этот монастырь, имеющий статус «господствующего», в отличие от приписных Андреевского и Ильинского скитов, сумел уберечь свою русскость. Собственная община здесь сформировалась в 1939 году, однако с 1960-х годов службы совершались

нерегулярно. Церковь славилась прекрасным хором, основанным в 1925 году музыкантом Б. Б. Разумовским. В 1990-е годы подворьем заведовал монах Корнилий, а служивший в храме св. Пантелеимона в 1997–2000 годах иеромонах Виталий возобновил общину, куда вошли преимущественно представители последней волны эмиграции из бывшего СССР (в то время как Андреевский приход состоит в основном из русских стамбульцев предыдущих «волн»). Все русские общины в Стамбуле сохранили церковно-славянский язык как богослужебный и даже старый календарь, несмотря на то что Константинопольский Патриархат давно перешел на новый стиль.

В 1950 году в Стамбуле произошло важное событие — основание Русского Благотворительного общества, ассоциации стамбульцев русского происхождения, которая помогала эмигрантам, организовывала балы, ставила детские спектакли, а также старалась сделать все возможное для сохранения подворий. Эта задача всегда считалась необыкновенно важной, так как подворьям, официально находящимся в юрисдикции Константинопольского Патриархата, во время обострений греко-турецких отношений угрожали разного рода опасности. Бюро общества, которое стали сокращено звать по начальным буквам трех подворий — ПАЭ (по-турецки: Р.А.Е., т. е. Panteleimon, Andreas, Elias), разместилось на Андреевском подворье. С учреждением ПАЭ судьба всех трех подворий оказалась связанной и юридически.

С 1963 по 1990 год общество возглавлял Н. Г. Тимченко, выпускник петербургского Училища правоведения, корнет царской и Добровольческой армий, ставший в эмиграции видным инженером-электриком. Он скон-

чался в 1999 году, в возрасте 102 лет, до конца своих дней сохраняя титул почетного председателя ПАЭ. И по сию пору общество, руководимое теперь А. С. Симухиным, родившимся в Стамбуле в 1916 году в семье дипломата, в глазах властей считается ответственным за местные русские храмы.

Афонские подворья на берегах Босфора сохранены: и сейчас русский паломник может рассчитывать на их гостеприимство.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В САЛОНИКАХ

Казалось бы, не святогорское это дело — окормлять мирские приходы. Но бывает и такое.

В Петрограде, например, в лютую пору гонений, иноки Андреевского подворья создали — дабы избежать закрытия — «двадцатку» из преданных мирян. Впрочем, властей это не смягчило, и подворье таки разгромили.

Совсем иная история, но тоже связанная с экстремальными обстоятельствами, произошла в Салониках.

...На окраине этого города, в периферийном квартале Харилау, среди стандартных новостроек стоит храм, отличающийся своим обликом от остальных солунских церковных построек (преимущественно в неовизантийском стиле). От оживленной современной улицы он отгорожен высокими стилизованными воротами, увенчанными маковкой с восьмиконечным крестом, а чрезвычайно простые геометрические формы здания напоминают о его необычной судьбе.

Во время Первой мировой войны именно тут находился военный лагерь Антанты, в постройках которого в 1920–1960-х годах обитали русские беженцы. В одном из барачных корпусов они и устроили церковь, и теперь из всего комплекса эмигрантского лагеря уцелела только она — конечно, значительно переделанная и благоукрашенная, но все же сохраняющая память об одном из эпизодов «русского исхода» — и об Афоне.

Беженцы из России стали прибывать в Солунь с 1920 года; первая их партия составила две тысячи человек. Греция не была готова к приему этих обездоленных людей — тем более, что после ее тяжелого поражения от войск Ататюрка в Малой Азии в страну из Турции хлынули тысячи репатриантов. И все-таки, несмотря на свою собственную трагедию, Эллада пыталась оказать посильную помощь и русским (большую роль при этом сыграла королева эллинов Ольга Константиновна, из Дома Романовых).

В Салониках для левкорссос, то есть «белых русских» (преимущественно военных Добровольческой армии, а также казаков и их семейств), был отведен бывший лагерь Союзнических войск, который с тех пор стали называть Русским лагерем.

Сначала жителей лагеря окормляла маленькая домовая церковь во имя св. Димитрия Солунского при Русской лечебнице, возведенной еще до революции на средства российского правительства и на пожертвования афонских обитателей. Служили в этом храме иеромонахи Пантелеимоновского монастыря.

Больничная церковка была совсем уж мала, и эмигранты мечтали об устройстве приходского храма. С конца 1920-х годов об этом стала хлопотать инициативная группа. Вскоре было получено благословение от Солунского владыки, в митрополию которого вошла новая община, и в 1929 году Комитет лагеря выкупил один из барakov.

Церковь, освященную во имя св. Николая Чудотворца, украшали всем миром: беженцы, например, отдавали увезенные из России иконы. Очень много образов пожертвовали, конечно, святогорцы. С их помощью была укомплектована и библиотека (сейчас она в Русской

богадельне в Афинах). В 1930-х годах Русскую лечебницу муниципализировали, но убранство домово́й Димитриевской церкви, некогда собранное афонцами, удалось перенести в храм св. Николая (тогда же ему было присовокуплено посвящение и в честь св. Димитрия Солунского).

Таким образом, одной из главных особенностей прихода явилась тесная, даже зримая, связь с русским монашеством на Афоне, заботившимся по мере сил о своих соотечественниках на чужбине. Настоятелями здесь часто служили святогорцы. Андреевский скит пожертвовал облачение для клира, Ильинский — большой храмовый образ св. Димитрия. Главным же украшением церкви стал великолепный иконостас, исполненный на Афоне в начале XX века и подаренный Пантелеимоновым монастырем: прежде он украшал его кладбищенскую церковь. В состав резного, с позолотой, иконостаса входят преимущественно образы русских святых — Серафима Саровского, Феодосия Тотемского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Зосимы и Савватия Соловецких.

Позднее к храму была пристроена изящная колокольня, возведенная по рисунку прихожанина А. Г. Белофасова. Главный колокол в шесть пудов, отлитый некогда в Ростове-на-Дону, прислала афонская келлия св. Николая Чудотворца, именуемая Белозеркой. В конце 1950-х годов в правой части зала был устроен Космодамиановский придел, с небольшим иконостасом, опять-таки святогорской работы. А значит, эта солунская церковь в какой-то мере и афонская...

В 1968 году Русский лагерь разобрали: в Харилау началось массовое жилое строительство. Многие эмигранты к тому времени перебрались в другие районы города, а то и в иной мир. Оставшихся переместили в

Никольская церковь в Салониках. 1997

специальный дом-общежитие, достаточно удаленный от церкви. Первое поколение левкороссов уходило, их дети легко эллинизировались в православной стране; жизнь русского прихода стала угасать. Перестал петь некогда именитый хор. Когда в конце 1980-х годов Солунская митрополия назначила настоятелем греческого священника, службы на славянском прекратились.

Горожане до сих пор, однако, именуют церковь в Харилау «экклези́я русски́и», то есть русская церковь. Надолго ли?

ЖИВАЯ ВИЗАНТИЯ

Уже много сказано о том, что мы, русские, должны быть особенно признательны Византии, из рук которой нам дан величайший дар — весть о Христе. Византия, вместе с Евангелием и церковным богослужением, вошла в нашу душу, плоть и кровь, стала родной.

Говорят, что Византия умерла, что ослабевшая страна исчезла под натиском турок. Но мне кажется, что она живет, в иных формах и олицетворениях, и живет не только на Небесах. Утратив свои политические структуры, она возрождается всякие воскресные и праздничные дни за Божественной литургией, во всех храмах всех Православных Церквей. И пусть службы идут не на греческом — Восточная империя всегда и охотно вводила богослужения на местных языках. Теперь, когда официального византийского подданства нет, мы можем считать себя, в соответствии с нашей верой, немножко византийцами — вспомним, что до недавних времен наша Церковь именовалась Греко-Российской, а западные путешественники, в прошлом о нас писавшие, называли нашу религию просто греческой.

Существуют расхожие стереотипы о византийском коварстве, о византийском упадничестве. Не хочу быть участником старых и новых дискуссий, но думаю, что эту удобную теорию разработали на средневековом Западе, с завистью смотревшем на цветущую восточную державу

и искренне желавшем ее гибели. Можно ли сравнить утонченный Царьград начала второго тысячелетия с современным ему Парижем и даже Римом? О каком декадансе может идти речь? Только о таком, который оправдывал грабительские походы крестоносцев на Восток. Гуляя по сказочно богатой Венеции и видя там и сям византийские иконы, скульптуры, нельзя не вспоминать о Четвертом крестовом походе, организованном хищными венецианцами против своего культурного средиземноморского соседа. Орды рыцарей со всей Европы, с крестами на облачениях, желавшие, по идее, освободить Гроб Господень, двинулись совершенно в другом направлении, штурмом взяли блестящий христианский город, осквернили и разграбили его храмы. Над царьградскими мощами святых сперва поглумились, а затем опомнились и стали сбывать их в европейские города. Вот кто в начале XIII века разорил страну, подорвал ее силы накануне яростного мусульманского натиска. Разбойники-европейцы и придумали миф о мрачной и нехорошей Византии — ради оправдания своих грабежей.

Впрочем, все это далекое прошлое, а Византия продолжает жить — и не только в богослужениях. Путешествуя по Средиземноморью, я обнаруживаю там и сям ее живые кусочки. Иногда они до сих пор отмечены ее символикой — двуглавым орлом, старшим братом нашего российского. Начнем со столицы, с Царьграда. Пусть Фанар, резиденция Патриарха, и похож на осажденную крепость, но его защитники не сдались, и на стене Георгиевского собора горделиво распростирает крылья имперская птица. И не правы те, кто считает, что местный «гарнизон» малочислен. Его глава по праву носит титул Патриарха Вселенского (и Нового Рима): под его

Византийский стяг на Афоне, 1997

омофором тысячи греческих, и не только, общин во всех уголках света — в Америке, в Азии, в Австралии, включая и Архиепископию православных русских церквей в Западной Европе, с центром в Париже.

А сам Афон! Это целая страна с византийским укладом и менталитетом: даже время здесь считают по-византийски. Над страной реет желтый стяг с двуглавым орлом, — целиком согласен с теми, кто называет Святую Гору «живой Византией».

Даже в Африке есть «Византия» — имею в виду Синайскую обитель. С ее окраинным для православной ойкумены положением и с ее особой судьбой, она сыграла роль хранителя святынь — не зря греки называют ее Южным Афоном.

Да простит меня инок Филофей, уверявший, что Второй Рим пал, и суливший нам Третий. Похоже, что говорил он больше о политике, а не о духовном, да и Москва Третьим Римом, кажется, так и не стала. Второй же, или Новый Рим, как титулуют его греки, — рядом с нами, в красках и очертаниях наших икон, в наших великопостных молитвах, в праздниках Торжества Православия, Покрова, Спаса Нерукотворенного.

И Светлое Воскресение Христово мы встречаем по византийскому календарю.

АФОНСКОЕ ПОДВОРЬЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Своеобразный уголок Петербурга — Пески. Вроде бы до Невского пять шагов, а кажется — пять верст, ибо в Песках почил почти провинциальная тишь. Редко кто из посторонних забредет сюда: достопримечательностей тут почти нет. Главную местную святыню, храм Рождества Христова, как водится на нашей родине, сгубили, вырвав из Рождественских улиц их центр и обозвав осиротевшие проезды Советскими.

Редко кто здесь посмотрит заинтересованным взглядом на странную постройку, что стоит на углу 5-й Советской и Дегтярной и что век назад привлекала людей из самых отдаленных мест столицы. Тем более редки те, кто может узреть в ее обезображенных чертах бывший храм Божий. А об этом в первую очередь свидетельствует алтарная апсида, выходящая строго на восток, то есть на тротуар Дегтярной (помню, как долгое время вплотную к этой апсиде стоял пивной ларек: и не то чтобы безбожники хотели покуражиться, а просто отупели горожане).

Это ампутированное строение и есть Андреевское Афонское подворье в Петербурге, тот самый уголок Святой Горы, что воссоздавал в нашем городе ее традиции, дух, строгий устав. Забытое всеми (кроме посетителей Архива научно-технической документации, тут «сидящего») здание есть плод длительных трудов и хлопот,

Бывшее подворье Андреевского скита в Петербурге. 1997

проделанных с тем тщанием и смирением, на которые способны лишь афонцы.

Первые шаги по устройству петербургского подворья относятся к середине позапрошлого века, когда известный археолог и радатель Афона, Петр Севастьянов, предложил возвести часовню в пользу Андреевского скита, ктитором коего являлся. Затем другая благодетельница, купчиха Анна Джамусова, пожертвовала скиту большой земельный участок в Песках.

Сию Джамусову сейчас ежедневно поминает один синайский насельник, о. Григорий. Араб по национальности, родом из Ливии, он прилепился к Синайскому

(греческому) монастырю, настоятель которого благословил его временно уйти на Афон — за постригом и за... греческим паспортом. Послушник попал в Андреевский скит, где в ожидании монашеского чина занимался историей обители, в том числе историей ее подворья в Петербурге. Почитание же купчихи возникло неслучайно: фамилия о. Григория — Джамус!

Усилиям Севастьянова и Джамусовой удалось воплотиться лишь спустя несколько десятилетий. В чем причина такой волокиты? Официальные публикации об этом умалчивают, однако исчерпывающее разъяснение дают скитские архивы. Дело в том, что афонского подворья, как учреждения стороннего, не желали епархиальные власти, видевшие в нем неконтролируемый источник средств.

В конце концов митрополита Исидора Петербургского удалось убедить, и в 1889 году Александр III утвердил, по представлению Победоносцева, строительство подворья, освященного в 1892 году.

Строил храм (и братские корпуса) зодчий Н. Н. Никонов, и так как ныне от его трудов почти ничего не уцелело, позволим себе краткое описание постройки. Подворское здание, в московско-ярославском стиле XVII века, завершали пятиглавие с шатром над главным барабаном и высокая шатровая колокольня с двумя боковыми главками над притвором. Стены, главы и апсида были богато украшены аркатурными поясами, колонками, кошниками. Основной деталью художественного оформления служило трехлепестковое завершение порталов, наличников, киотов. Кто-то не пожалел трудов, чтобы все это затем испортить, сбить, уничтожить, обезличить.

Афонское подворье сразу же стало известным, и не только в российской столице. Основную роль здесь сыграло

решение андреевцев поместить в его крипте главную скитскую святыню, чудотворную Богородичную икону «В скорбех и печалех утешение». Помимо иконы, богомольцев, конечно, влекло сюда дивное святогорское богослужение.

Жизнью подворья руководили настоятели Андреевского скита, которым скрупулезно отправлялась вся отчетность (однажды в афонском архиве скита мне попался занятный документ: подворские монахи, уставшие, видно, от однообразных бумаг, выслали своему дикею отчет о состоянии их волос — «кто сед, кто лыс» и прочее).

Во время имяславческого движения подворье неожиданно вышло на первые позиции афонского спора. Дело в том, что если в самом скиту имяславцы одержали верх и выдвинули из собственной среды нового скитоначальника, старца о. Давида, то подворские иноки сохранили лояльность прежнему настоятелю, архимандриту Иерониму. Отец Климент, личный секретарь изгнанного архимандрита, обосновался на петербургском подворье и пытался оттуда противостоять также прибывшим в столицу имяславцам, в первую очередь о. Антонию (Булатовичу).

По окончании имяславческой смуты подворских монахов принял царь, интересовавшийся подробностями. Иноки отослали в скит подробнейший отчет о высочайшей аудиенции: Николай II принял подарки (иконы), выяснял подробности «афонского бунта» (андреевцы заявили, что главными зачинщиками выступили монахи из Пантелеимонова монастыря), сказал, что в его придворной церкви кадят только афонским ладаном. Более всего монарха заинтересовали сведения о стратегически важной бухте в Македонии, купленной скитом, — дело шло к войне.

Грянула революция. Связь Петербурга с Афоном разорвалась — да так поныне и не восстановилась.

Настоятелю подворья, архимандриту Макарию, своими силами пришлось защищаться от различного рода посягательств. Петроградские насельники добыли справки, что они, как агиориты, находятся в каноническом подчинении Константинопольскому Патриарху, но это им не помогло. Наступление шло сразу с двух сторон — от новой власти, национализировавшей подворскую недвижимость и требовавшей изменения статуса «религиозного объединения», и от обновленческого Церковного Управления, боровшегося с «черным» духовенством.

Номинально уже в 1919 году подворье было ликвидировано: Смольнинский совет и новая приходская община во главе с ее настоятелем, архимандритом Макарием, подписали примечательный договор. Он состоял из обязательств верующих («беречь... не допускать... платить... нести материальную и уголовную ответственность») и самых широких прав властей.

В 1922 году совдепы изъяли ценности, около трех пудов серебра («Мы поплакали досыта», — писал на Святую Гору о. Макарий), несмотря на то что при подворье действовал питательный пункт на 30–40 нуждающихся. Святогорцы (без Святой Горы) шли на самые разные ухищрения: братия, например, была оформлена как жилищное товарищество дома № 13/14, а позднее — как трудовая артель Старо-Афонского Свято-Андреевского коллектива. Организовалась и «двадцатка» мирян, причем члены «афонского коллектива» брали перед мирянами обязательство на совершение богослужений и на «каждодневное дежурство священнослужителей».

Однако новый режим словесным ухищрениям не внимал. В 1929 году иноки были выдворены из их дома.

Большинство перебралось в поселок Петро-Славянку, образовав там скиток. Но и скромный скиток мешал властям: в 1932 году его насельников арестовали и сослали. Некоторым из них удалось укрыться на подворье. Их, конечно, там обнаружили во время ночного обыска и приговорили к более суровым мерам наказания — к лагерям. Тотчас был закрыт и храм.

...Однажды я решил узнать, не изменилось ли в наши времена что-нибудь к лучшему в судьбе афонского уголка. Представившись церковным историком, я позвонил на подворье, то есть в Архив научно-технической документации. Любезный женский голос так завершил нашу краткую беседу: «А вы думаете, нам самим нравится сидеть в церкви? Дайте нам другое помещение, и мы завтра же уедем».

Другого помещения у меня не оказалось... Но, может, оно есть у городских властей, некогда потушивших святогорский очаг?

На борту парома. 1999

ЭПИЛОГ

МЕНЯЕТСЯ ЛИ СВЯТАЯ ГОРА?

Все в мире меняется, за исключением любви Божией к людям.

И Святая Гора, несмотря на здоровый консерватизм, всегда присущий иночеству, конечно, меняется. Уходят в лучший мир — куда они так стремились — старцы; в монастыри приходит молодежь, если так можно сказать о монахах. А ведь когда в 1963 году праздновалось тысячелетие Афона, всех поразило отсутствие молодых агиритов. Воистину тогда тут установилась геронтократия (кстати, слово «геронт» значит не только «старик», но и «старец», в духовном смысле: русские святогорцы именно таким образом употребляют это слово). Многие в ту эпоху писали, что Афон вымирает, что это «средневековое учреждение» доживает последние дни... Слава Богу, этого не произошло.

Молодые святогорцы имеют несколько иной склад мышления, и, хотя они, как положено, отрицаются от своей воли и стараются изменить свой ум, что-то от современного мира они сюда привнесут. А сам мир за последние годы очень изменился. И пусть Афон делит весь земной шар на две части: себя и остальное, эти две части, хоть и разделены охраняемой границей, все-таки сообщаются. Мир интересуется Афоном, хочет его узнать поближе, и не всегда в духовных целях, а так, из

праздного любопытства. Нарастает поток паломников и, скажем прямо, туристов — ведь никто не проверяет степень религиозности посетителей этого края.

Вот уже несколько лет я избегаю посещать Святую Гору в летние месяцы: слишком много здесь людей, несмотря на разного рода ограничения. От этого устают и святогорцы, неохотно идя на духовное общение, которое, собственно, есть одна из главных целей паломничества.

С другой стороны, иные монахи-келлиоты, из тех, что живут вне монастырей, начали обеспечивать свое существование за счет посетителей полуострова. Это, впрочем, существовало всегда: прежде келлиоты изготавливали и сбывали разного рода поделки — ложки, четки, чашки (и сейчас некоторые живут этим). Ныне появилась, однако, прежде небывалая вещь — извоз, т. е. своего рода святогорское такси, доставляющее посетителей в самые труднодоступные места полуострова. Другая новинка — мобильники, которыми многие вооружились. Еще одна необычная вещь: в афонской столице, Карее, учрежден банк — впервые за тысячелетнюю историю местного монашества.

Афон — по крайней мере его так называемые кириархические, т. е. господствующие монастыри — стремительно реставрируется и отстраивается, на средства преимущественно Европейского сообщества. Специальная инспекция наблюдает, чтобы эти стройки не меняли сложившиеся ансамбли, и внешне все остается по-старому. Однако внутри странноприимные дома нескольких монастырей теперь похожи на комфортабельные отели. Тем, кому дорога ветхая старина, это не нравится. Европейские деньги не доходят, правда, до малых обителей — скитов, келлий, калив. Но их-то обычный

паломник и не видит, так как официально можно останавливаться лишь в главных монастырях.

Конечно, следует избегать поспешных суждений — ведь основной смысл Святой Горы, пламенная молитва и тяжкий труд, остается прежним. Меняются лишь некоторые формы...

Меняемся и мы. И надо стремиться, чтобы переменны эти шли в правильную сторону. Агион-Орос может изменить многое в жизни своих посетителей, если они к тому расположены. Собственно, вещи, которым учат старцы, можно узнать и усвоить и в миру. Однако мирская обстановка, суета мешают нам задуматься о самом главном: о спасении души. «Спасайтесь!» — призывают старцы. Говорить в миру о спасении души как-то неприлично: могут принять за безумца. На Афоне же вам постоянно напоминают, что душа — бессмертна и что мы ответственны за ее загробное существование.

Поразительно, что афонцы сочетают постоянную заботу о судьбах душ (всех людей) с неизбывной веселостью. В миру сложился стереотип о монахах как об унылых, печальных людях. Однако уныние — великий грех, а святогорцы — народ жизнерадостный.

«Как можно печалиться, — сказал мне один старец, — если Христос воскрес?» Пусть «новость» о Воскресении Христовом и будет главной новостью с Афона. Все остальное меркнет перед этим.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кресты Андреевского скита над Афоном. 1997

ВСЕ МОНАСТЫРИ

В пределах Афонской Горы находятся двадцать монастырей, между которыми поделен полуостров. Это число, двадцать, сложилось в Средневековье и освящено традицией. Остальные обители, даже такие грандиозные, как Андреевская, имеют ранг ниже (скиты, келлии, каливы). Последние попытки ряда малых обителей получить монастырский статус имели место в начале XX века, но были отринуты и никогда вновь не повторялись.

Мы подготовили краткие справки обо всех монастырях, перечислив их в порядке иерархического положения в составе святогорской общины.

ВЕЛИКАЯ ЛАВРА

Обитель, главная в афонской иерархии и самая большая, была основана в 963 году преподобным Афанасием Афонским и позднее освящена в его честь. С первых лет своего существования она находилась под покровительством византийских императоров (Никифор Фока, личный друг св. Афанасия, предполагал принять здесь постриг). Расцвет монастыря был прерван опустошительными пиратскими набегами и турецким игом, во время которого иноков поддерживали русские цари. В конце XVIII века начинается возрождение обители. Территория лавры обнесена могучими крепостными стенами; над ними возвышается старинная башня Цимисхия,

преемника императора Фоки. В центре двора — собор (кафоликон) св. Афанасия; по его образцу построены остальные соборные храмы на Святой Горе.

ВАТОПЕД

Ватопедский монастырь, посвященный Благовещению Богородицы, основан, вероятно, в X веке, хотя традиция относит это событие к VIII веку. Покровительство монастырю оказывали императоры из династий Комнинов и Палеологов. В XVI веке из Ватопеда в Москву был призван преподобный Максим Грек (в 1997 году Русская Церковь передала сюда частицу его мощей). В XVIII веке монастырь учредил Афониаду — церковную школу, действующую до сих пор (в странноприимном корпусе приписанного к нему Андреевского скита). У небольшой монастырской бухты поставлена арсана (причал); за ней высится крепостная стена обители, прикрывающая Благовещенский кафоликон с фресками и уникальными мозаиками, а также ряд малых храмов (пαραклисов), в одном из которых хранится Честной Пояс Богородицы.

ИВЕРОН

Иверский монастырь основан в X веке выходцами из Иверии (Грузии). Впоследствии в нем стали преобладать греки, сохранявшие, впрочем, тесные отношения с Грузией, а также с Россией (при царе Алексее Михайловиче иверские иноки устроили в центре Москвы подворье и часовню). Внутри монастырского каре ведет классицистический портик, уникальный для Афона. Собор в честь Успения Божией Матери, первоначально возведенный в XI веке,

перестроен в XVI веке. Своими богатствами славятся монастырская ризница и библиотека. На берегу залива, перед обителью, — святой источник с храмом. Главная святыня обители — Иверская икона Божией Матери («Вратарница», иначе «Портаитисса»), явившаяся в морских волнах.

ХИЛАНДАРЬ

Хиландарь (Хилендарь), называемый балканскими славянами Сербской лаврой, возник в XII веке. Его основатели — сербские правители, св. Симеон (в миру великий жупан Стефан Немань) и его сын св. Савва (в миру княжич Ратько), принявшие постриг на Афоне. В течение веков Хиландарь служил духовным и культурным центром сербского народа. Как и другие святогорские монастыри, он производит впечатление крепости, усиленное благодаря мощным стенам и башням, одну из которых построил, по преданию, сам св. Савва. Собор посвящен Введению во Храм Богородицы. Среди его святынь — чудотворная Богородичная икона «Троеручица» (Богородица считается игуменьей монастыря) и серебряная рака св. Симеона Мироточивого.

ДИОНИСИАТ

Монастырь стоит на крутой скале, на высоте 80 метров над морем. Его возникновение приходится на вторую половину XIV века и связано с именем преподобного Дионисия, выходца из Македонии. Существенную помощь в строительстве оказал трапезундский император Алексей III Комнин, поэтому Дионисиеву обитель первоначально называли монастырем Великого Комнина.

Высокая монастырская башня была возведена в 1520 году на пожертвования молдововлахского господаря Неанко Бессараба; на средства господарей возведены и другие строения ансамбля. Большую часть узкого двора занимает собор в честь Рождества Иоанна Предтечи (XVI век), расписанный иконописцами критской школы. В приделе справа от притвора хранится чудотворная Акафистная икона Божией Матери, исполненная восковыми красками.

КУТЛУМУШ

Кутлумушский (Котлумушский) монастырь стоит в живописной ложбине в непосредственной близости от афонской столицы Кареи: поэтому он, единственный из всех двадцати монастырей, не имеет в ней своего представительства — конака. Полагают, что обитель устроил в XIII веке некий турок по имени Кутлумуш, в крещении Константин. После разгрома, учиненного в XIV веке разбойниками-каталанцами, обитель вновь отстроилась с помощью правителей придунайских княжеств, т. к. здесь обосновалось много румын. Собор, XVI века, посвящен Преображению Спасителя; в одном из его приделов — чудотворная Страстная икона Божией Матери.

ПАНТОКРАТОР

Пантократоров (т. е. Вседержителей) монастырь был учрежден в XIV веке. Один из его основателей, инок Иоанн, был в родстве с византийским императором Иоанном V Палеологом, и это способствовало быстрому возвышению обители. От стоящего на каменном мысу монастыря к бухте с арсаной спускаются хозяйственные

постройки. Центральный ансамбль окружен многоугольной крепостной стеной с высокой оборонной башней. Собор, где погребены отцы-основатели, посвящен Претображению Спасителя; его главная святыня — чудотворная икона Божией Матери «Старицы» (Геронтиссы). К Пантократору приписан бывший русский Ильинский скит, учрежденный преподобным Паисием (Величковским) и стоящий на возвышенности напротив монастыря.

КСИРОПОТАМ

Живописная обитель расположена над тихим заливом, где устроен главный порт Афона — Дафни. Основание монастыря произошло, вероятно, в конце X века; его первым настоятелем стал инок Павел Ксиропотамский, получивший свое прозвание по месту предыдущего обитания. В первые века своего существования обитель, будучи посвященной празднику Сорока мучеников Севастийских, титуловалась монастырем Сорока святых. В Средние века Ксиропотам превратился в один из самых богатых монастырей на Афоне и поныне остается владельцем обширных лесных угодий. Как и другие святогорские обители, он неоднократно страдал от пожаров, но вновь отстраивался. Собор реконструирован и расписан фресками в XVIII веке; среди его святынь — самая большая в мире часть Животворящего Креста Господня.

ЗОГРАФ

Один из трех славянских монастырей на Афоне, болгарский Зографский, возник в X веке. Его основатели, монахи из Охрида, посвятили обитель св. Георгию Побе-

доносцу «Зографу» (т. е. Живописцу) — здесь чудесным образом была обретена его икона. В XIII веке монастырь захватили византийцы-униаты, казнившие православных иноков: в память об этих мучениках во дворе установлен памятник. С середины XIX века в Зографе обосновались болгары, возведшие многоэтажные братские корпуса. В соборе, значительно перестроенном в начале XIX века, хранится обретенный образ св. Георгия, а в близстоящем малом храме — чудотворная икона Божией Матери «Акафистной». Напротив монастыря — строения с церковью, стоящие на месте обретения иконы св. Георгия.

ДОХИАР

По преданию, Дохиарова обитель была основана во второй половине X века неким иноком Евфимием-дохиаром, т. е. распорядителем съестных припасов, келарем. Из-за берегового расположения Дохиар часто страдал от разбоя пиратов. Собор, посвященный Архангелам Михаилу и Гавриилу, отстроен в XVI веке валашским господарем Александром и его супругой Роксандрой, выкупившими также ряд монастырских владений у захвативших их турок. Как и храм в Дионисиате, он расписан критскими иконописцами. В одном из приделов собора — чтимая икона Божией Матери «Скоропослушница». В трапезной, выходящей окнами к морю, — фрески XVII–XVIII веков.

КАРАКАЛ

Каракалов монастырь расположен на склоне горы, откуда открывается прекрасная морская панорама. Согласно

древнему, но вряд ли достоверному преданию, он был основан в правление римского императора Каракалла, т. е. в начале III века. Историки полагают, однако, что обитель возникла в XI веке, а ее зачинателем стал некий монах по имени Каракалас. В Средневековье Каракал подвергался набегам крестоносцев и пиратов; из запустения его вывел в XVI веке господарь Влахии Петр, в старости принявший здесь постриг. Собор, посвященный первоверховным апостолам Петру и Павлу, был отстроен в ту же эпоху, вместе с характерной башней, придающей ансамблю вид крепости. В 1875 году многие постройки сгорели, но затем монахи их возобновили. Как и у некоторых других обителей, наружные стены имеют выступающие крытые балконы, т. н. сахнис, характерные для народной турецкой архитектуры.

ФИЛОФЕЙ

Филофеев монастырь, носящий имя его основателя, стоит на поросшем зеленою плато, где, как полагают, в античности находилось капище Асклепия. Учреждение обители относится к концу X века. Ей оказывали поддержку византийские императоры и сербские короли (в Средние века в Филофее обитало много славян), а впоследствии — русские цари и правители придунайских княжеств. В XVIII веке насельником монастыря стал священномученик Косма Этолийский, казненный турками. Собор, посвященный Благовещению Богородице, закончили к 1746 году, а чуть позднее возвели звонницу с необычным конусообразным завершением. В трапезной, расположенной прямо напротив входа в собор, — ценные фрески XVI века.

СИМОНОПЕТР

Ансамбль Симонопетрова монастыря, воздвигнутый на крутом утесе, — один из самых запоминающихся на Афоне. Его первому настоятелю, преподобному Петру, спасавшемуся тут в XIII веке, одной рождественской ночью было откровение устроить обитель именно в этом месте: в память об этом монастырь освящен в честь Рождества Христова. Его название напоминает об основателе и о скале (греч. «петра»), на которой монастырь водружен. После разрушительного пожара 1891 года он восстановлен на средства, собранные в России; тогда же построен внушительный семиэтажный корпус, обращенный к морю. Справа от братских корпусов — старинный акведук и усыпальница. Помимо Рождества Христова, престольным праздником считается Собор Метеорских преподобных, т. к. многие члены нынешней братии пришли на Афон из фессалийских обителей на Метеоре. Главная святыня — длань св. Марии Магдалины.

МОНАСТЫРЬ СВ. ПАВЛА

Две горы, Афон и Антафон, как будто прикрывают монастырь св. Павла от разного рода невзгод. Его учредитель, преподобный Павел, обосновался тут в IX веке. Первоначально обитель была посвящена Христу Спасителю, но впоследствии утвердилось современное посвящение Сретению Господню. Возвышению монастыря много способствовали сербские монахи, поселившиеся в нем в XIV веке. По преданию, когда в XV веке сюда с дарами пришла одна сербская правительница, ее остановила Богородица, напомнившая о запрете входить в Ее

удел другим женщинам. В память об этом за монастырской оградой водружена церковь. Как и во многих других святогорских комплексах, над стенами доминирует крепостная башня (XVIII век). Кафоликон был отстроен вновь в 1839–1844 годах, частично на средства Российского императора Николая I.

СТАВРОНИКИТА

Небольшой и уютный Ставроникитский монастырь (самый малый из афонских по размерам) стоит на каменном мысу, вдающемся в море. Как полагают, название обители возникло в результате слияния имен двух иноков-основателей, Ставра и Никиты (по другой версии, это фамилия ее ктитора, византийского полководца Никифора Ставроникиты). Известно, что монастырь существовал уже к началу XI века. После периода запустения, вызванного набегами пиратов, крестоносцев и униатов, Ставроникита был возрожден благодаря усилиям игумена Григория (XVI век), имевшего дружеские отношения с Константинопольскими Патриархами. Тогда же он получил статус монастыря, войдя в число двадцати «господствующих» обителей. В 1680 году монахи построили прославившийся своею красотой акведук. Престольный праздник — день св. Николая Мирликийского, в честь которого освящен, в середине XVI века, собор. Одна из его святынь — прекрасный мозаичный образ Николы Чудотворца.

КСЕНОФОНТ

Постройки Ксенофонта монастыря выходят прямо к морю. Согласно преданию, он был основан в X веке преподобным Ксенофонтом, упоминаемым в житии

св. Афанасия Афонского. До падения Византии обитель процветала, затем пришла в упадок. В конце XVIII века ее возрождению способствовал игумен Паисий: при нем Ксенофонт первым из афонских обителей вернулся к общежительному (киновийному) уставу от прежнего идиоритмического, при котором каждый насельник имел свой собственный распорядок дня. Величественный собор в честь св. Георгия Победоносца, самый крупный из греческих на Афоне, был сооружен в 1809–1819 годах. В его убранстве выделяется мраморный иконостас. Правый придел, посвященный св. Димитрию Солунскому, — самая древняя часть обители. В соборе хранятся две прекрасные мозаичные иконы — св. Георгия Победоносца и св. Димитрия Солунского.

ГРИГОРИАТ

Григориева обитель возникла на прибрежных скалах Афонского полуострова в XIV веке тщанием двух иноков-тезок с именем Григорий; один был греком из Синайского монастыря, другой сирийцем. В Средневековье на Григориат часто нападали пираты, в особенности турецкие. Восстановительным работам после набегов, а также после частых пожаров содействовали молдавские господа. В конце XIX века деятельный настоятель Симеон возвел новые братские корпуса. Собор, освященный во имя св. Николая Мирликийского, относится к 1740-м годам и следует образцам других афонских кафоликонов. Особо ценным является его деревянный резной иконостас с богатым декором и с иконами ветхозаветных пророков. Среди святынь — чтимые иконы св. Николая Чудотворца и Богородичные образы «Млекопитательница» и «Всецарица».

Эсфигмен

Подобно неприступной и суровой крепости стоит на берегу открытого моря Эсфигменов (Есфигменов) монастырь. Его насельником, как полагают, был зачинатель русского монашества преподобный Антоний Киево-Печерский: над его пещерой, вырытой в утесе, иноки поставили особую церковь. Имя основателя обители, точное время ее основания и достоверная этимология ее названия неизвестны. Впервые Эсфигмен упомянут в начале XI века. Как и весь Афон, он пережил периоды расцвета и запустения. Будучи связан с национально-освободительным движением греков, в 1820-е годы Эсфигмен особо пострадал от карательных рейдов турок. Просторный и величественный собор в честь Вознесения Господня был заново отстроен в начале XIX века. Последние десятилетия эсфигменские монахи не поддерживают церковного общения с духовным главою Афона, Константинопольским Патриархом, объявив себя зилотами, ревнителями чистоты Православия.

ПАНТЕЛЕИМОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Первоначально, с XI века, обитель св. Пантелеимона Целителя находилась высоко в горах, там, где теперь полузаброшенный скит Старый (Нагорный) Руссик. Издавна в монастыре селилось много выходцев из Руси, в особенности после свержения татаро-монгольского ига. В 1875 году здесь был избран русский настоятель, и с тех пор монастырь стал оплотом российского монашества на Афоне: в пик его расцвета, в 1912 году (до подавления имяславческого движения), братия насчитывала две тысячи человек. Нижняя соборная цер-

Вид на Пантелеимонов монастырь и его звонницу. 1997

ковь (1812–1821) имеет типичную для Афона византийскую архитектуру; ее главная святыня — честная глава св. Пантелеимона. Верхняя соборная церковь посвящена Покрову Богородицы и св. Александру Невскому; в ней, кроме нескольких чтимых икон, — честная глава преподобного Силуана Афонского.

КАСТАМОНИТ

Последний в афонской иерархии, Кастамонитов монастырь укрыт в расщелинах гор. Предание приписывает устройство обители императору Константину

Паломник на Афоне
(автор книги). 1997

(отсюда якобы и ее название), однако ее история прослеживается лишь с начала XI века. В эпоху турецкого ига Кастамонит разделил участь всей Афонской Горы, страдавшей от тяжелых податей турок и их мстительности. Своим воссозданием он обязан в первую очередь деятельному игумену Симеону (вторая половина XIX века), собравшему множество пожертвований, главным образом в России. Он же отстроил вновь кафеликон, освященный во имя св. Стефана Первомученика.

В нем почитаются иконы св. Стефана, Богородицы «Одигитрии» и Богородицы «Провозвестительницы». Как нынче и все монастыри, Кастаманит придерживается общежительного устава.

АФОНСКИЙ ГЛОССАРИЙ

Редкий бытописатель Афона удерживается от соблазна составить афонский словарь, настолько своеобразна здесь языковая оболочка местных реалий и традиций. Не удержались от лексикографического свода и мы, обратив особое внимание на слова греческого происхождения, проникшие в язык русских святогорцев.

аватон — запрет для женщин на посещение Афона

агиазма, агиасма — источник святой воды

Агион-Орос (Айон-Орос) — Святая Гора

агиорит — святогорец

агрипния — всенощное бдение

адия — разрешение (обычно даваемое «кириархическим», «материнским» монастырем приписанным к нему малым обителям)

андреевец — насельник Андреевского скита

антипросоп — представитель «кириархического» монастыря в Священном Киноте

антипросопион — см. конак

аргат — рабочий-грек, работающий по найму в русской обители

арванит, иначе арнаут — албанец, живущий в Греции

арсана, арсан — монастырская пристань со складами и, иногда, с церковью

архондарик, иначе фандарик, фондарики и фондунар — странноприимница

архондаричный, иначе фандаричный, фондарики и хиндаричный — монах-гостинник

аскитирион — места (кельи, пещеры), где иноки предаются аскезе

астином — греческий полицейский

афонит — афонец

герон, иначе геронт, геронта — старец

геронтия — совет старцев монастыря, избираемых пожизненно

дикей — настоятель скита (на Русском Афоне дикеев часто неправильно титулуют игуменами — сан, право на который имеют только настоятели монастырей)

диамонитирион — вид на жительство, выдаваемый посетителям Афона

дикастирий — монашеский суд

дикиль — кирка, мотыга

додекаортон — серия икон с Дванадесью праздниками «*Евлогите*» / «*О Кириос*» — «Благословите» / «Господь» [благословит]: традиционное приветствие на Афоне

Епистасия, Эпистастия, иначе *Епитропия, Эпитропия (Священная)* — «исполнительно-финансовый» орган афонского управления, состоящий из четырех игуменов-епистатов (епитропов), ежегодно сменяющийся четверицы

епистат, эпистат, иначе *епитроп, эпитроп* — член Епистасии (Епитропии), выбранный от группы пяти монастырей и обладающий одной частью четырехчастной печати Священного Кинота, с изображением Богородицы Ширшей Небес (Платитеры)

епитроп — см. епистат, а также помощники игумена монастыря, избираемые на год

ефимернос — инок, освобожденный после трапезы от послушания

зилот, зилотствующий, иначе *зелот* — афонит, не поминающий Константинопольского Патриарха

игумен — настоятель одного из 20 «господствующих» монастырей

идиоритм — особножительный, своекоштный устав монастыря (последний таковой отменен на Афоне в 1992), без общих послушаний и общей трапезы

ильинец — насельник Ильинского скита

исихастирион, исихастирий — род келлии, стоящей вблизи «материнского» монастыря

кавиоты — монахи-«квартиранты», не входящие в состав братии обители, где проживают

каик — лодка, барка

каймакам — глава турецкой администрации на Афоне (до 1912 года)

калива, каливка — малая обитель, без церкви

каливит — насельник каливы

калогер — монах

канонарх — инок, наблюдающий за порядком богослужения в соборе

канонизмы — правила, уставы Святой Горы, освященные традицией

карулиоты, карульцы — отшельники — обитатели местности Каруля

катанетасма, катанетазма — завеса Царских врат

кафестос — существующий порядок на Афоне

кафизма, кафисма — «седалище», род келлии, стоящей вблизи «материнского» монастыря и находящейся на его содержании

кафизматарь — келлиот, «кормящийся» от монастыря

кафисмата — чтение Псалтири

кафоликон, католикон — соборный храм одного из 20 монастырей

келлия (келия, келья) — комната насельника, но чаще — малая обитель, с церковью (автор употребляет слово «келья» для первого значения и «келлия» — для второго)

келлиоты — насельники келлий

киновия, кинодея — обитель с общежительным уставом

Кинот (Священный) — собор представителей 20 монастырей (антипросопов), главный орган исполнительной власти

кириакон, кирьякон — главный собор скита

кириархический — «господствующий» (по отношению к 20 монастырям)

конак, кунак, иначе *антипросопион* — представительства монастыря в Карее (также в Салониках)

ктитор — основатель, или попечитель обители

Лавра — первый по чести монастырь, во имя преподобного Афанасия Афонского; сербы также называют Лаврой свой афонский монастырь (Хиландарь)

лавриот — насельник Лавры

ливада — поляна, долина

литанида — крестный ход со святыми мощами

монастырец — насельник одного из 20 монастырей, в отличие от скитников, келлиотов, каливитов

метох — монастырское сельскохозяйственное угодье вне Афона (у греков — любое подворье)

нартекс, нарфик — западная часть храма

ном — административно-территориальная единица Греции; Афон составляет особый ном

ока — старинная мера веса, около 6,5 кг

омология — купчая крепость, определяющая отношения между «господствующим» монастырем и насельниками приписной обители

панигирь, панигирик — престольный праздник

пантелеймоновец — насельник Пантелеимонова монастыря

пαραклис — малый храм обители, часто не имеющий своего архитектурного объема, а также Богородичный молебный канон, совершаемый на Афоне ежедневно по окончании Божественной Литургии

параута — кадушка

пирг — укрепленная башня, где обычно находилась монастырские ризница, библиотека, архив

понтийцы, иначе *россопнты* — выходцы греческого происхождения из российской, а также украинской и грузинской части Черноморья

порта — врата обители

портарь — монах-привратник

проигумен — наместник игумена

проскинитирий — книга посетителей обители

просмонарий — монах, служащий при какой-либо святыне

прот, протэписпат — председатель Епистасии, старший представитель четверицы монастырей (меняется каждый год вместе с четверицей); в прошлом прот — главный старец Афона

Протат — общий институт управления Афоном

Протатон — соборная церковь Протата в Карее

протатцы — члены Протата

проэстос — соборный старец монастыря

россопнты — см. понтийцы

сердарь, сардарь — афонский «дружинник»

сигиллион, сингиллион, сигиллий — патриаршая грамота, скрепленная печатью

симантрон — афонское било

синаксис — высший законодательный и судебный орган Св. Горы, собрание настоятелей монастырей, созываемое дважды в год

синодия — малая монашеская общинка

сиромача, серомач, сиромашка, ксиромач — монах-странник, ходивший от одной обители к другой

скит — обитель, обладающая большой самостоятельностью, однако приписанная к «материнскому» монастырю и от него зависящая

ставрос — перекресток, обычно отмеченный крестом

стасидия, стасия — высокое монашеское кресло (форма) с подлокотниками и откидным сиденьем

тава — сковородка

тока — деревянная доска, било

фиал — водосвятная чаша, колодец во дворе обители

хрисовул — императорская, царская или патриаршая грамота (указ) с золотой печатью

эзонартекс — внутренний притвор соборного храма

эзонарфик, эксонарфик, экзонартекс — наружный притвор соборного храма

экклесиарх — монах, несущий послушание в церкви, хранитель богослужебных предметов

эпитроп — см. епитроп

Эпистасия — см. Епистасия

ПАЛОМНИКУ В ДОРОГУ

Для паломничества на Афон необходимо получить разрешение от Афонского бюро Министерства иностранных дел, находящегося в Салониках в здании Правительства Македонии—Фракии (вблизи от собора св. Димитрия Солунского). Разрешения выдает также греческое МИД в Афинах. Путешественники из России обычно пользуются услугами бюро Пантелеимоновского монастыря в Салониках, оформляющего разрешения и предоставляющего всевозможные консультации, или помощью подворья того же монастыря в Москве. Полученное разрешение следует обменять на диамонитирион, т. е. вид на жительство, в Паломническом бюро самого Афона, находящемся в пограничном городе Уранополе. Диамонитирион — главный документ, на основании которого паломник прибывает на Святую Гору и пользуется гостеприимством монастырей.

Отправиться на Афон можно не из Уранополя, а из другого пограничного порта, Иериссоса, с противоположного берега полуострова, где также можно получить диамонитирион; однако навигация на этом берегу ненадежна.

Срок разрешаемого богомольцам пребывания на Афоне — четыре дня (три ночи), и для его продления посетитель Святой Горы должен обратиться за благословением к настоятелю обители, где он желает остановиться.

Все афонские монастыри обязаны предоставлять гостеприимство богомольцам; некоторые из них, не имеющие просторных странноприимниц или ведущие ремонтные работы, просят известить о своем прибытии за день.

Салоники (код 0310)

Афонский отдел Министерства Македонии—Фракии
 Платия Диктириу, Министерство, комн. 218, пон.-пятн.
 с 10 до 14 ч. ☎ 270092
 Паломническое бюро Пантелеимонова монастыря ☎ 234927

Уранополь (код 03770)

Паломническое бюро Святой Горы ☎ 71421; *факс:* 71450
 Порт ☎ 71248

Иериссос (код 03770)

Порт ☎ 22576

Святая гора Афон (код 03770)

Дафни

Паром «Достойно Есть» ☎ 71016; 71149
 Порт ☎ 23300
 Сердарь ☎ 23715
 Таможня ☎ 23269

Каряя

Священный Кинот ☎ 23221; 23711; *факс:* 23315
 Священная Епистасия ☎ 23712; 23713
 Главный секретарь Св. Кинота ☎ 23710
 Секретарь Св. Кинота ☎ 23224
 Губернатор ☎ 23230
 Семинария «Афониада» ☎ 23220
 Инспекция по охране памятников (Ке.Д.А.К.) ☎ 23395
 Фототека-архив ☎ 23704
 Полиция ☎ 23212; 23341
 Автоинспекция ☎ 23214
 Доктор ☎ 23217

Булочник ☎ 23258

Рыбник ☎ 23613

Гостиница ☎ 23714

Трактиры ☎ 23362; 23243

Справки о телефонах ☎ 23209

***Монастыри (в иерархическом порядке)
и их конаки (представительства) в Карее***

Лавра св. Афанасия ☎ 23758; 23766; 23761–5; конак ☎ 23277

Ватопед ☎ 23219; 23780–2; конак ☎ 23283

Ивирон ☎ 23248; 23643–6; конак ☎ 23203

Хиландарь ☎ 23797; конак ☎ 23281

Дионисиат ☎ 23687–9; конак ☎ 23272; 23237

Кутлумуш ☎ 23226; 23731

Пантократор ☎ 23253; 23684–5; конак ☎ 23207

Ксиропотам ☎ 23251; конак ☎ 23280

Зограф ☎ 23247; конак ☎ 23273

Дохиар ☎ 23245; конак ☎ 23271

Какал ☎ 23255; конак ☎ 23279

Филофей ☎ 23256; конак ☎ 23206

Симоно-Петр ☎ 23254; 23700; конак ☎ 23204

Монастырь св. Павла ☎ 23250; 23741–4; конак ☎ 23208

Ставроникита ☎ 23255; конак ☎ 23270

Ксенофонт ☎ 23249; 23630–3; конак ☎ 23933

Григориат ☎ 23218; 23669; 23770; конак ☎ 23274

Эсфигмен ☎ 23796; конак ☎ 23282

Пантелеимоновский ☎ 23252; конак ☎ 23201

Кастамонит ☎ 23228; конак ☎ 23278

Скиты (с указанием «господствующего» монастыря)

Андреевский, иначе Серай (Ватопед) ☎ 23621/2

Ильинский (Пантократор) ☎ 23304

Иоанно-Предтеченский, румынский (Лавра) ☎ 23294

Кавсокалив (Лавра) ☎ 23319

Кераши (Лавра) ☎ 23318

Лакк, румынский (св. Павла) ☎ 23636

Малый скит св. Анны (Лавра) ☎ 23321

Новый скит (св. Павла) ☎ 23351

Скит св. Анны (Лавра) ☎ 23320; 23921

Скит св. Димитрия (Ватопед) ☎ 23303

Константинополь (Стамбул)

Подворье Пантелеимонова монастыря

Галата (Каракёй), ул. Ходжа-Тахсин, № 19, 6-й этаж

☎ (8–109) 0212–2441206

Москва

Подворье Св.-Пантелеимонова монастыря (храм Велико-
мученика Никиты)

Гончарная, 6

☎ (095) 2980558

Паломническая служба при подворье

Николаямская, 44/18

☎ (095) 7662000

Общество «Русский Афон»

☎ (095) 2901885

БИБЛИОГРАФИЯ

В 1976 году, в сборнике «Богословские труды», № XV (с. 185–256), был опубликован колоссальный свод протоиерея Анатолия Просвирнина (впоследствии — архимандрита Иннокентия) «Афон и Русская Церковь. Библиография», куда покойный уже составитель включил почти тысячу (!) наименований. Мы отсылаем любознательного читателя в первую очередь к этому замечательному списку, а со своей стороны приводим издания, в него не попавшие, а также те, что вышли после его публикации (и некоторые современные переиздания). Обширная иностранная, в первую очередь греческая и сербская, библиография по Афону не приводится.

Августин (Никитин), архимандрит. Афон и Русская Православная Церковь // Богословские труды. Т. 33. М., 1997. С. 76–109.

[*Азария (Попцов), схимонах*]. Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на святой горе Афонской. Переизд.: М., 1995.

Антоний (Святогорец), иеромонах. Жизнеописания Афонских подвижников благочестия XIX века. М., 2001.

Афонские древности. Каталог выставки из фондов Эрмитажа. Авт.-сост. *Залесская В. Н., Пятницкий Ю. А., Уханова И. Н.* СПб., 1992.

Арсений, иеромонах. Подвижники Святой Горы (1904). Переизд.: М., 1996.

Афон // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 103–181.

Афонские известия. 1914. № 1, 2 (ежемесячный журнал русского афонского монашества, под ред. *А. А. Павловского*; вышло два номера).

- Афонский патерик (1897). Переизд.: М., 1994.
- Варлаам, монах.* Зима на Афоне. СПб., 2001.
- Варсонофий (Судаков), епископ.* Афон в жизни Русской Православной Церкви в XIX – начале XX в. Саранск, 1995.
- Ващенко Вс.* Святоименный Афон. Штутгарт, 1962.
- Великая стража: Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. М., 2001. Кн. 1: Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Св.-Пантелеимонова монастыря. Сост. *иеромонах Иоаким (Сабельников)*.
- Вздоронов Г., Тарасов О.* Святая Гора и русские древности // Наше наследие, № 52, 2000. С. 58–73.
- Власий, монах.* Сияние святости. М., 1999.
- Воззвание Братства русских обителей (келлий) во имя Царицы Небесной на Афоне о помощи русским келлиям и пустынноикам Афона // Православный русский календарь. 1934. С. 75–77.
- Вышний покров над Афоном. Переизд.: Сергиев Посад, 1997.
- Гавриил (Краньчук), иеромонах.* Афонское приношение современной православной духовности. М., 2000.
- Долгов К. М.* Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М., 1997.
- Ефрем Святогорец, архимандрит.* Жемчужины подвижнической мудрости. М., 2001.
- Забытые страницы русского имяславия. Сборник документов по афонским событиям 1910–1913 гг. и движению имяславия в 1910–1918 гг. Сост. *А. М. Хитров, О. Л. Соломина*. М., 2001.
- Зайцев Б. К.* Афон. Переизд.: СПб., «София», 1992; М.–СПб., «Лествица», 1998.
- Зетешвили И., протоиерей.* Афонцы // Символ, сентябрь 2000. С. 263–318.
- Зубов Д. В.* Афон и Россия. Духовные связи. М., 2000.
- Иерофей (Влахос), архимандрит.* Одна ночь в пустыне Святой Горы. Сергиев Посад, 1997.

- Их Высокопревосходительством Господам Послам Великих Держав, Членам международной конференции в Лондоне по Балканским вопросам [б.г. и б.м.].
- Иларион, схимонах.* На горах Кавказа. Переизд.: СПб., «Воскресение», 1998.
- Иларион (Алфеев), епископ.* Священная тайна Церкви. В 2-х т. СПб., 2002.
- Имяславие // Вып. 1. Начала, № 1–4, М., 1995. Сост. *С. М. Половинкин*; Вып. 2. Начала, № 1–4, М., 1998. Сост. *игумен Андроник (Трубацев), Половинкин С. М., Казарян А. Г.*
- Иоаким (Сабельников), иеромонах.* Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. М., 2001.
- Иоани, иеромонах.* Отец Тихон – последний великий русский старец на Афоне. Сергиев Посад, 1997.
- Иосиф, монах.* Старец Иосиф исихаст. [Сергиев Посад], 2000.
- Кашкаров Ю.* Афон // Наше наследие. 1991. № 5. С. 113–118.
- Клименко М. М.* Особенности современного всенощного бдения в монастырях Святой Горы Афон // Богословские труды. Т. 33. М., 1997. С. 110–138.
- Кравецкий А. Г.* К истории спора о почитании имени Божия // Богословские труды. Т. 33. М., 1997. С. 155–164.
- Маевский В. А.* Афонские рассказы (1950). Коломна, 1993.
- Мальшев В.* Голубое и белое. СПб., 2000.
- Мальшев В.* Сокровища Афона // Наше наследие. 1989. № 1. С. 146–150.
- Наставления и утешения св. веры христианской. 1912–1917 (ежемесячный журнал, издаваемый Андреевским скитом с 1887 г.).
- Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь // К свету, № 16, 1997 (монографический выпуск).
- Павловский А. А.* Островок собственный // Новая Юность. 1998. № 28–29. 1998. С. 136–145.
- Паусий, старец.* Отцы святогорцы и святогорские истории. М., 2001.

- Посмертные явления преподобного Нила Мироточивого Афонского (1912). Переизд.: М., 1997; СПб., 2000.
- Проватакис Ф.* Афон Орос. История — Традиции — Туризм. Салоники [б.г.].
- Рак П.* Приближение к Афону. М., 1993.
- Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на св. Горе Афонской (1886). Переизд.: М., 1995 (в приложении: «Монастырь св. Пантелеимона» Б. Зайцева).
- Русский старец Тихон Святогорец. Воспоминание старца Паисия и старца Агафангела Святогорцев. М., 2001.
- Салтыков А.* Священная живопись Афона. Фрески келлии св. Стефана. М., 1996.
- Сергий (Веснин), иеросхимонах.* Письма Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской. Переизд.: М., 1998.
- Славянские рукописи Афонских обителей. Фессалоники, 1999. Сост. *Турилов А. А., Мошкова Л. В.*
- Смолич И. К.* Русское монашество 988–1917 гг. М., 1997.
- Святая Гора Афон. Путеводитель. Сост. *А. А. Точилов.* Афон, 1994.
- Старец Силуан Афонский. М., 1996.
- Талалай М. Г.* Афонское Андреевское подворье на Песках (совм. с *Яковлевым Н. А.*) // Петербургские чтения–97, СПб., 1997. С. 172–175.
- Талалай М. Г.* О положении русского монашества на Афоне после 1912 года // Страницы, № 3, 1998. С. 414–423.
- Талалай М. Г.* Афон начала XX века: «панэллинизм» и «панславизм» // Монастырская культура. Восток и Запад. Сост. *Водолазкин Е. Г.* СПб., 1999. С. 254–261.
- Тарасов О. Ю.* Обрамляя реликвию: Афон и Николай II // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М., 2000. С. 105–106.
- Тацис Д.* Архондарик под открытым небом. М., 1998.
- Тацис Дионисий, священник.* Когда чужая боль становится своей. Жизнеописания и наставления схимонаха Паисия Афонского. М., 1999.

- Троицкий С. В.* Афон и международное право // Богословские труды. Т. 33. М., 1997. С. 138–154.
- Турилов А. А.* Рассказы о чудотворных иконах монастыря Хиландар в русской записи XVI в. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
- Феодосий, иеромонах.* История Русского на Афоне Св.-Пантелеимонова монастыря // К свету, № 18, М., 2000.
- Херувим (Карамбелас), архимандрит.* Старец Афанасий из Григориатской обители. М., 1996.
- Херувим (Карамбелас), архимандрит.* Старец Иоаким из скита праведной Анны. М., 1996.
- Херувим (Карамбелас), архимандрит.* Из Удела Божией Матери. Киев, 1998.
- Херувим (Карамбелас), архимандрит.* Современные старцы Горы Афон. М., 1998.
- Христодул Агиорит, иеромонах.* Старец Паисий. Село Покров-Задорожье Ивановской области, 2000.
- Цацанидис П.* Афон и русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Салоники, 1997.
- Яковлев-Козырев А., диакон Димитрий.* Ночь на вершине. Страницы афонского дневника. СПб., 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог. Почему «Русский Афон»?</i>	3
Святая Гора в начале XXI века	9
О современном положении российского монашества	18
Пантелеимонов монастырь	36
Андреевский скит	45
Ильинский скит	55
Скит Новая Фиваида	61
Скит Ксилургу	68
Келлия св. Иоанна Богослова	74
Монастыри Зограф и Хиландарь	78
Эсфигменский монастырь	86
Симонопетровский Синаксарь	93
Кончина на Афоне	97
Каряя	102
Афонские портреты	107
Святогорские подворья в Турции	136
Русская церковь в Салониках	144
Живая Византия	148
Афонское подворье в Петербурге	152
<i>Эпилог. Меняется ли Святая Гора?</i>	159
 ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Все монастыри</i>	164
<i>Афонский глоссарий</i>	177
<i>Паломнику в дороге</i>	182
<i>Библиография</i>	186

Михаил Талалай
РУССКИЙ АФОН

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ

Фотографии
Александр Китаев

Оформление
Светлана Егорова

Редактор
Александра Сыщикова

Корректор
Елена Рудницкая

Верстка
Дмитрий Зимин

ЛР 066242 от 25.12.98.

Издательство «Паломникъ». Подписано в печать 14.04.2003.

Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура «Петербург». Объем 12 п. л. Усл. п. л. 11,16.

Тираж 10 000 экз. Заказ

Адрес издательства «Паломникъ»: 103030, Москва, Суцевская, 21.

<http://www.palomnic.ru>, e-mail: palomnic@mail.ru

Магазин издательства: Москва, ул. Бахрушина, 28.

Отпечатано с диапозитивов в ОАО «Молодая гвардия».

Адрес типографии: 103030, Москва, Суцевская, 21.

Качество печати обусловлено качеством оригинала.